

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**ЗА КОЛЮЧКОЙ -
ТАЙГА**

Сергей Зверев

За колючкой – тайга

«Научная книга»

Зверев С. И.

За колючкой – тайга / С. И. Зверев — «Научная книга»,

Зэки, бежавшие с этой таежной зоны, далеко не уходили – так и оставались лежать в сырой земле по ту сторону колючки. Потому в последнее время никто бежать и не пытался. А вот зэк по кличке Летун решил попробовать. Не сам по себе, конечно, а при поддержке смотрящего зоны вора в законе Бедова. Оказалось, бежать легко, а вот выжить в тайге почти невозможно. Но каждый выбирает свою судьбу сам – либо мотать весь срок на коленях, либо лететь к свободе вольной птицей...

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Зверев

За колючкой – тайга

Пролог

Он пришел, когда февраль под Красноярском сходил с ума. Штормовой ветер пригибал к земле полувековые кедры и поднимал до их макушек стену из снега, пробраться сквозь которую не могли ни люди, ни машины. Полуденное солнце стояло высоко, но свет не излучало. Казалось, это небесный дервиш, не выпросив милостыни на небесах, спускался вниз, чтобы попросить на жизнь у тех, кто имеет в груди человеческое сердце. Он освещал себе путь пуком горящей соломы, и толку от этого света не было ни ему, заплутавшему, ни тем, кто умирал от голода и болезней внизу.

Богам не дано понять смертных. Они так высоко, что треск мечей или трещотки попрошаек – непереносимые атрибуты земной жизни – там просто не слышны. Ты человек, значит, смертен. Значит, низок, а потому на земле тебе место. И этот бродячий оборванец, уверяющий всех, что он светило, – не более чем плут. Солнце не просит подаяний, оно само вольно распорядиться, сколько давать, кому и зачем. Стало быть, пошел вон.

Барак, пропитанный запахом только что наколотых поленьев и чуть подгоревших валежков, не стиранных, отопревших портянок, грязных носков, дешевого чая, похожего скорее на лечебный сбор – горького и неприятного.

– У-у-у-ааа, – стонал испуганный собственной силой ветер.

– Хрясть, кррру... – вторили ему подламывающиеся под его натиском деревья.

Он пришел, когда в бараках раздавался выворачивающий душу кашель, грязная брань и, где-то в углу, за пеленой пара от дымки не сгораемых в печках сырых дров, – молитва.

– Господи... во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой...

– ...пишет, что сын на ноги встал. Встал, пишет, постоял и снова сел. Секунд с десять постоял.

– Откуда ты знаешь, что секунд десять? Она так пишет?

– А сколько же ему стоять? Дитя малое. Хоть и мужик.

«Дашь пять кубометров на рыло», – грустно, без восклицательного знака призывает лозунг на одном из бревен потолка. Он написан смоляною кисточкой, покрыт грязью, и прочитать его можно, лишь оказавшись на верхних нарах, не сводя взгляда с висящего над головой наката. Надпись давняя, лет тридцать ей, не меньше, а может быть, и все сорок. За нею, в порядке, предусмотренном расположением бревен, следуют другие отметки, выписанные руками тех, кто прибыл после того, для которого норма в пять кубов была недостижимой. Эх, если бы сейчас, да по пять... На каждое рыло.

«Елец, 1982 год, Костян».

«Может, ты и елец, Костян, да только здесь ты труп. Гарик, 1984».

«Елец не Елец, а обоим вам давно п...ц. Фара, 1997». И чуть ниже:

«Фара, а ты сам-то далеко от них ушел?»

Свежая надпись. С пяток лет ей, никак не больше.

Не больше, потому что меньше здесь никто не находился. Восемь, десять, двенадцать. И сейчас в бараке есть те, кто был свидетелем, как Гарик предсказывал Костяну из Ельца его будущее. На самом деле предугадать его было нетрудно, Фара был прав, и в этом шестом бараке за последние двадцать лет лишь двое встретились здесь дважды. Правда, с перерывом в семь

лет, но встретились. О них теперь говорят, как о старожилах. Это хорошее определение – старожил. Оно навеивает несбыточные надежды и помогает выходить в утро. Когда хочется увидеть красное солнце заката, а туберкулезный кашель и рвота от язвы уверяют в том, что скоро тебя вынесут в ледник и, если в течение месяца за тобой не придут те, кто по всем канонам человеческой памяти должен знать, где ты, вынесут за три километра и похоронят не так, как ты хотел бы быть похоронен. Несколько эков за дополнительную пайку или пачку чая будут долбить кайлом и ломами вечную мерзлоту, чтобы войти в нее если не по плечи, то хотя бы по пояс.

– Все, не могу. Не могу больше. Лекарства бы, лекарства... Хоть парацетамолу... Хоть солодки... Прополоскал бы солодкой, и отошла бы, отошла боль, сука... отошла бы...

– Лепила сказал, что лазарет заполнен, Серега... Терпеть надо...

– Врет, гад, лазарет у него всегда пустует...

– А ты чем на воле пробавлялся, малец? – спрашивает сухой старческий голос из прикрытого мраком угла тридцатилетнего худого мужика.

На мужике черный, мокрый треух, а на груди стоит колом «крупный вельвет» – фуфайка того же цвета с номером отряда и фамилией. Очки у мужика постоянно потеют – в воздухе висит взвесь из водяных пылинок, мужик их постоянно снимает и смущенно протирает полкой выбившейся из-под ватных штанов куртки.

– Я кальмаров Гумбольдта классифицировал и изучал влияние изменения окраски самцов от психологического состояния самок, готовых к спариванию...

И пошло эхо по бараку.

– Вон оно ка-а-ак?

– А я вот, помню, тоже, с одной... Рыженькой...

– Нет, Ботаник, ты мне скажи. Не, ты ответь мне, может быть, я чего не догоняю. Я принимаю – ты мужик ученый, стекла носишь, но ответь мне на вопрос, который сводит меня с ума вот уже четыре года. Как можно, занимаясь кальмарами... этих...

– Гумбольдта.

– Да! Этими. Так вот, как можно изучать кальмаров... этих... да! – чтобы тебе выписали семнадцать лет?

«У-у-у-а-а-хха-а-а», – гудит за тонким стеклом, и оно дребезжит так часто, что перезвон превращается в тонкий непрерывный гул.

– ...посоветуй, Господи, как пережить и забыть...

Болью, страданиями, матом и стонами, перемешанными с молитвой, наполнен был воздух шестого барака, когда он пришел.

Он явился, когда его никто не ждал. Здесь вообще никогда никого не ждут. Время интересуется лишь как движение часовых стрелок от завтрака до обеда, и от обеда до ужина. Их всегда торопят, молят впопых, чтобы они бежали быстрее, но, едва закончится ужин, происходит обратное. Нет в бараке ни одного, кто не обращался бы к господу, бесу или просто к небу за подмогой в том, чтобы хоть кто-то из них остановил цоканье, отмеряющее секунды быстро приближающегося утра. Никто не хочет, чтобы оно наступало. Срок бесконечен, как этот лес, и день срока, минувший в Лету и приближающий свободу, никого не радует. Пусть лучше срок будет вечен, но не наступает утро.

Тех, у кого намечается «звонок», увозят за три месяца. Волоху Царева, того увезли вообще за полгода. А все потому, что вор. Настоящий, не наркоманами в Крестах коронованный за сотню тонн баксов, а сродняком одобренный и рекомендованный. Увезли за пять с половиной месяцев, чтобы за остаток срока эков не взбудоражил и вместо себя никого поставить

не сумел. Да только Царь дурак, что ли? Еще за восемь месяцев, прошлой весной, объявил, что сидеть за него Толян Бедовый будет. Тот и сидит. Зона не шелохнется. Вор честный, порядок знает и охламонов к нему приучает. Увели вертухаи Царя, а за него уже другой ходит. К чему такая спешка была, спрашивается? Воры – не администрация, они за положением заранее следят.

Он пришел за два месяца до смерти Коли Барона, спустя четыре после побега Варана и Гноба, и, казалось, ничего в этой жизни его не волновало и ни к чему не обязывало. Варана пристрелили прямо в тайге, Гноба порвали собаки, и его еле довели до лазарета. Три дня кровью харкал: видимо, не только собаки постарались, а на четвертый преставился. До этих двоих последний раз с «дачи» – филиала седьмой Красноярской колонии строгого режима – бежал Вова Краснокутский по прозвищу Черт. Ушел на тридцать километров, там его и достали. Кто-то из приезжих, один из многих, кто приезжает шишковать, отрапортовал участковому, что кормил хлебом исхудалого парня в робе, участковый попался не промах, ответственный, отзвонился – и через два часа Черта взяли вертолетом недалеко от заимки с харчами и одеждой, до которой Вова не дошел ровно два километра. Было это в девяносто девятом. А в девяносто третьем Рома Пырьев – Порей, Семен Глазов – Глаз, да старик по кличке Конь, имя которого никто так и не узнал, сподобились на «рывок», да так же и погорели. Та же заимка, те же «шишкари», такие же бдительные граждане. До девяносто третьего статистику никто не вел, просто знали, что бежать с «дачи» – пустые хлопоты. Обычно после этого привозят разодраным собаками, избитым до полусмерти конвоем, и через неделю-другую муки заканчиваются.

Народ на «даче» подобрался крепкий. Кстати, о «даче». Есть под Красноярском седьмая колония, «строгач», и на «даче» говорят, что зэки там как сыр в масле катаются. Никаких выходов в леденящее утро, и даже конкурсы самодеятельности проводятся. Осенью на «дачу» слушок прилетел по зоновскому «радио», что какой-то фраер по кличке Звонарь победил на конкурсе певцов и ему в Москве срок скостили на треть.

Врут, конечно. Ну, кто тебе срок срежет, если у тебя пятнашка непогашенная еще за прошлую судимость? Врут, ей-богу, врут...

«Если бы хлеба побольше, то был бы рай», – мелко-мелко так, на четверть бревна.

«Рай там, где нет „дачи“».

Шестой барак от седьмой колонии – гиблое место. Он в двухстах верстах от ближайшей «запретки» «семерки», в глухом лесу, где тетерева по осень токуют так, что кругом идет голова, и мужикам в ночи снятся женщины, небо без «решки» и деньги в руках.

Сюда отправляют самых безнадежных, воспитать и исправить которых, для чего, собственно, колонии и строились, просто невозможно. От пятнадцати и больше – самое место им здесь. «Пятнашка» – детский срок. На «даче» сидит Гарик Смоленцев, так он чуть-чуть до «особого» в Мордовии не дотянул. Одного трупа. Еще бы один – и все, навеки. Зелено-серая роба и вид из оконца на залив. Но Гарику повезло, на суде вышло, что из восьми доказанных прокуратурой трупов в суде прошли лишь три. Двадцать четыре года, и он уже два из них отбыл. Пристроить Гарика у ментов получилось, но они все равно в печали. Непонятно, на кого теперь пять оставшихся трупов вешать. А «пятнашка» – это детский срок. Как в угол поставили.

А хлеба, того, действительно, зэки не врут, не хватает. Зоны под Красноярском и без того голодают, а уж про шестой барак, «дачу» под Красноярском, вообще легенды ходят. Провизию завозят с опозданием, а когда привезут, выясняется, что она либо просроченная, либо контрафактная. Кто-то на воле, верно, из бывших, замаливает грехи и отправляет грузы на «дачу». Помощь страдающим. Однако помощь эта – масло подсолнечное, сливочное, консервы с давно истекшим сроком реализации. А откуда браткам на воле про то знать? Они другое знают – парень вышел из-под Красноярска, и про людей не забывает – в своем бизнесе находит место и для братков, в зоне оставленных. Тем, у кого освобождение лет эдак через десять-двадцать.

А другие добрые люди продукты на «дачу» за копейки продают. Стоит бутылка подсолнечного сорок рублей, а они ее – за двадцать. Бизнесмену, бывшему зэку, убыток, но зато братва в шестом бараке сыта будет. А что товары употреблять нельзя – дело прошлое. На «даче» схавают все. Администрация эту помощь с радостью принимает, и по документам проводит – оплачено. И сумму – пополам с доброхотом. А так бы пришлось испорченный груз на свалку везти. Там его бомжи бы сожрали, так лучше пусть – зэки. Да и в карман какая-никакая, а копейка.

«Хочу кусок мяса, сыра, колбасы, сала и побольше чая с сахаром».

На воле о сыре и не подумал бы, а тут нате – поумнел. Видать, очень хочет, раз не поленился ножом буквы резать. А с сахаром... Да, проблема с сахаром. Горе с ним. Точнее, нет ни проблемы, ни горя. Сахара нет. Родня пишет сквозь строки, замулеванные черным маркером цензуры, – «высылаем тебе, Николай, три килограмма сахара и чая восемь пачек». Три пачки чая, действительно, вот они. А где сахар? Нет сахара.

Года шли, а шестой барак так и не ссучился, на что так надеялась и уповала администрация. Голод этих зэков не берет, туберкулез не ломает, работа адская не гнет. Срослись они как-то все. И махнули рукой – пусть растут дальше, лишь бы о побеге не помышляли, да голодные бунты, как в двухтысячном, не устраивали. Голодных усмирить, впрочем, не так уж трудно. Труднее из тайги возвращать. Проблемы не только у зэка, через «запретку» проскользнувшего, но и у охраны. Что тому по тайге ночью костылять, что тем. Вторым сложнее: искать нужно не только дорогу, но и того, кто ее высматривает впереди тебя. Но в последнее время «дача» притихла. Не до побегов. Молят небо, чтобы зима поскорее закончилась. Летом будет гнус, но он не грозит пневмонией и чахоткой. Так, просто неприятно. Главное, чтобы администрация и ее спонсоры с накомарниками не кинули, как прошлым летом.

«У меня родился сын. Он никогда сюда не попадет. Карамболь».

«Паря, не знаю, в каком году ты это писал, но хочется верить, что ты здесь не больше девяти месяцев».

«Ты не пиши, чего не знаешь, лох. Я Карамболя знаю, он на „дачу“ попал, когда его жена на пятом месяце ходила».

Между каждой надписью, если верить датам – по два с лишним года.

Уу-а-а-ахххрр...

Барак засыпает снегом, и работа завтра начнется от порога. Что-то, конечно, почистят кухонные шныри, что всегда при котлах, но разгрести придется не только проход к дверям, но и вокруг барака. Давно его построили, еще в пятидесятых, а не берет его ни время, ни мороз, ни дождь. Стоит, гад. И еще век простоит. Уже колючку пятикратно перематывали вокруг, а барак стоит.

Письма на «дачу» идут по два месяца. Жена отпишет, что ушла, а зэк целых шестьдесят дней смотрит на ее затершуюся фотокарточку, где они вдвоем на Кипре, и теплеет вокруг него от благодарности за то, что его ждут. А придет письмо – нет более проклятых дней, чем эти шестьдесят. Кому-то прибывают конверты с вымазанными маркером строками – замполитова работа. Поди догадайся, чего под этими жирными полосами написано было. Правда, есть одна хитрость. Если взять ватку, смоченную спиртом, да поджечь, да поднести снизу, краска маркера бледнеет, и надпись под ней проступает наружу. Но спирт тут – на вес бриллиантового карата. И замполит, зная, что он все равно есть, дуркует и веселится. Измажет черными полосами полписьма, а зэк жжет драгоценные капли, да потом читает – «скучно без тебя, Саша, беда, как скучно, не знаю, куда от тоски деваться».

Смешно замполиту – во-первых, в бараке спирта меньше стало, – во-вторых, есть над чем зэку задуматься. Впрочем, думать ему никто и до этого не запрещал.

О том, что он придет, на «даче» знали все. За час до его прибытия в барак тема его прихода была единственная, которая обсуждалась. Кальмары Гумбольдта, уже давно высосанные за четыре года, ушли на задний план, и теперь больше всего эков волновало, как поведет себя бывший полковник-летчик, прирезавший в Старосибирске троих людей.

Шестой барак – особая категория красноярской «семерки». Сюда попадают все, кому не место среди старожиллов обычного «строгача». Раз в год, иногда раз в два года, ворота барака распахиваются, и внутрь входит новый изгой. Его ждет впереди пятнадцать лет красных закатов за замасленным окном и пятнадцать лет молитв, чтобы ни один из пяти с половиной тысяч рассветов не наступал.

Прибытие на «дачу» новенького – событие неординарное. Как поведет себя этот человек с воли, кем станет. Зоновское «радио» работает отлаженно, хоть и с некоторым опозданием. На «семерке» о прибытии полковника из Старосибирска знали еще за две недели, сюда же новости опаздывают, и лишь вчера вечером один из вертухаев шепнул Толяну Бедовому, что везут новенького.

Он вошел с рюкзаком под мышкой и тощим, свернутым матрасом. Следом зашел замполит, два из конвоя, и все четверо расположились у порога.

– К вам пополнение, – возвестил замполит, майор Кудашев. И, развернувшись к еще крепкому, среднего роста мужчине с серым лицом, пояснил: – Отсюда бежали шесть раз. Первый из них – в пятьдесят четвертом. Через месяц после пересечения запретной полосы у них ухудшалось здоровье, и они умирали. Не понимаю, почему. Полагаю, таежный воздух людям вреден. Особенно экам.

Инструктаж был предельно краток, из чего эки сделали вывод, что основную прокачку прибывший прошел в здании администрации. И, судя по цвету его лица, прокачку добрую.

– В общем обустраивайся. Здесь трудно первые восемнадцать лет. Потом привыкаешь. На воле меняются марки машин, происходят войны, обесцениваются деньги, и, когда ты выйдешь, ты даже не будешь знать, сколько при себе их нужно иметь, чтобы на вокзале посетить платный туалет. А он после поезда понадобится сразу, – пообещал замполит. – Не знаю ни одного, кто бы не вышел отсюда без болезни почек и простаты.

Немного помявшись, майор убыл вместе с конвоем, а барак, сохраняя полное молчание, смотрел на мужика. Лет ему около сорока, так что замполит, судя по всему, кривил душой. Этому малому не дотянуть не только до платного туалета на вокзале, но и до самого вокзала. Как и до шестидесяти, его, ориентировочных, лет.

«Я выйду через восемь лет, Виктор З.».

«Не выйдешь». Без подписи.

Это был жуткий февраль. Он обещал уничтожить всех, кто на ногах держится уже с трудом. Такого февраля не видел даже Сема Омский. А ведь старик сидел на «даче» уже двадцать первый год.

Уа-а-а-хрр...

Трря-я-ясссь...

– Если шныри утром кедр от входа не оттащат, то выйдем на час позже, быть может, – шепнул кто-то в темном углу.

Но его мало кто слышал. Все смотрели в едва освещаемый проход, где с матрасом и рюкзаком стоял еще широкоплечий и еще крепкий мужчина.

– Здравствуйте, люди, – сказал он и поднял глаза.

Барак молчал. На памяти всех, кто в тот момент находился внутри, обращение к ним, как к ЛЮДЯМ, вызвало у них легкое потрясение. Тот, кто прибывал и называл старожиллов «мужиками», был обречен быть им до конца срока. Работа, работа и работа – вот что отличает «мужика» в зоне от остальных категорий, учитываемых администрацией.

У этого же не было ни гонора, ни попыток убедить всех в том, что он свой, ни заискивающих слов и движений, умоляющих принять его таким, какой он есть, и не стараться его переделать.

Подойдя к указанным замполитом нарам, он сложил вещи и снова поднял карий взгляд к невидимым из-за тусклого света собеседникам.

– У меня немного сала есть. Чеснок. С этапа осталось. Еще есть чуток конфет. Правда... Правда, они слиплись. Есть пять сигарет, и это все, чем я могу с вами поделиться. Совсем забыл – два блистера парацетамола.

– Что такое блистер? – не выдержав такого знакомства, глухо пробубнил Колода, помощник Бедового.

– Это упаковка по десять таблеток. Жалко, в одной осталось семь.

«Суки здесь не парятся („парятся“ – зачеркнуто) живут».

Еще один порыв ветра, и шнурь Куцик метнулся к выбитому стеклу затыкать пробойну одеялом.

Часть I

Глава 1

Он был как все. За тот месяц, что он прожил в бараке, никто так и не понял, кто поселился рядом с ними. Так себя не ведут ни суки, ни мужики, ни блатные. Ни с кем не разговаривал, в перебранки не вмешивался, ничего не выяснял, работал без энтузиазма, но и без ленцы. Тупо и угрюмо врезал в ствол кедра цепь «Тайги», водил широкими плечами, дожидался крика напарника с длинной палкой – «Бойся!» – и отходил в сторону. Смотрел на небо, перекуривал и медленно подходил к следующему дереву.

За тридцать дней, к середине марта, он потерял около десяти килограммов, и ни разу не попросил лекарства или сигарету. Была «Прима», он курил. Не было – молчал, смотрел на небо и закурил в отсутствие табака один лишь раз. Когда к нему подошел Толян Бедовый и протянул непечатую пачку, новенький вскрыл ее, вынул сигарету, а пачку вернул смотрящему. Тот пожал плечами, посмотрел с удивлением на того, кому ее дарил, сунул в карман и отошел.

Его звали Андреем Литуновским, и прозвище Летун прилипло к нему с первых минут. Дать прозвище – забота неплевая. Нужно и характер взять во внимание, и фамилию. С этим же все оказалось проще пареной репы. Летун – во-первых, с именем полный унисон, во-вторых, зэкам не было известно ни единого случая, когда за три убийства человека успели бы осудить за три месяца. Смак, а не погоняло.

Самому ему, казалось, было все равно. Летун так Летун. Впрочем, что говорить о прозвище, если его не интересовали куда более важные вещи. Он еще ни у кого не спросил, как купить сигарет, как достать мыла, или почему по ночам кое-кого загоняют под нары и эти кое-кто, трясясь под шконками от страшного холода и сырости, лежат под ними до утра. О сигаретах Летуну рассказал Саня Зебров. Нужно обратиться к писарю и сказать, что третью часть заработанных денег он, Летун, хочет перечислять на счет магазина для приобретения курева и предметов первой необходимости. Каждые десять копеек с рубля шли при этом писарю, но это был единственный способ иметь сигареты и не заниматься попрошайничеством. Попрошайничество здесь не в моде, единственное, что можно взять в долг, это лекарство. Но его потом нужно будет вернуть, и горе тому, кто не возвращал. Как-то сразу отпадал вопрос о тех, кто ночует, словно крыса, под нарами, да только он и не вставал перед Литуновским.

Впрочем, о крысах на «даче» разговор был особый. Когда год назад завелась одна, то есть Вова Момыкин не нашел в тумбочке новых шерстяных носков, в тот же вечер почему-то повесился Смык из Калуги, и Царь долго объяснял Хозяину – начальнику красноярской «дачи», что Смык неоднократно был замечен при высказывании мыслей вслух о добровольном уходе из жизни. Так что под нарами в бараке ночевали не крысы, а должники.

К началу лета Летун стал приходить в себя, взгляд его просветлел, и он впервые за долгие дни заговорил. С напарником, который помогал ему валить лес. Вообще и не с ним даже. Скорее с собой. Во время перекура Летун, как обычно, отошел в сторону, подождал, пока осядет поднятое облако снега от упавшего кедра, и снова поднял глаза на небо.

– Что ты туда постоянно смотришь? – не выдержал Зебра. – Правды у бога ищешь? Нету ее, правды! И бога нет! Был бы, он еще вчера тебе аспирина сбросил!..

– Небо, – сказал Летун. – Небо.

– Что небо? – растерялся Зебра.

Летун посмотрел на напарника и отошел в сторону. Зебра так и не понял, что хотел сказать бывший полковник. Терзать человека расспросами на зоне не принято, но Зебра, улучив

момент, а это произошло только через три дня, когда терпение Саньки лопнуло, вновь вернулся к разговору.

– Что – небо?

Летун не удивился вопросу, хотя времени прошло порядочно, чтобы тему как следует подзабыть. Но он снова ничего не сказал и, забросив на плечо «Тайгу», направился к очередному дереву. Зэки терпеливы, на «даче» срок идет не на часы, а на месяцы. И Зебра решил ждать. Как-никак он напарник, а человек еще не освоился. Придет час, когда тот сам решит заговорить с ним.

На обед они ели прелую капусту, которая почему-то называлась свежей и тушеной, закусывали хлебом и пили из эмалированных кружек чай. Он отдавал ковылем, был почти бесцветен, но в меню именовался «индийским с сахаром». Так продолжалось изо дня в день, полковник молчал, смотрел то в небо, то сквозь сплошную стену кедровой делянки, и словно ждал момента, чтобы сказать что-то, чего здесь еще не слышали. Однако первым заговорил с Летун не Зебра, а Толян Бедовый. Время шло, новичок себя не проявлял ни с лучшей, ни с худшей стороны, начинало казаться, что это будет продолжаться вечно, и кто не мог мириться с этим ни при каких обстоятельствах, так это смотрящий за баракком. Толян был тут на правах вора, смотрящим за колонией, и молчаливость спокойного зэка стала вызывать у него бессоницу.

В конце марта, когда на делянке появились первые ручьи и запах кедров стал навязчив, к курившему после обеда Летуну подошел Колода – помощник Бедового.

– А ты не слишком разговорчив. – И, догадавшись, что такая постановка вопроса и не требует ответа, поспешил объяснить причину своего прихода. – Подойди к Бедовому, у него к тебе пара вопросов.

Летун встал, размял подошвой кирзача коротенький окурочек и направился к месту постоянного пребывания Бедового во время рабочего дня. К одному из пней свежепиленного кедра. На каждый день у Бедового был свой пень, и к концу пятого года пребывания на «даче» он посидел на полутора тысячах.

– Я все хочу спросить тебя, – предложив Летуну ствол дерева в качестве стула, начал Толян. – Это правда, что ты прибил троих?

Ответа ему пришлось ждать долго, поэтому он вопрос переиначил:

– Зачем мужику приличного вида, не киллеру и не народному мстителю убивать троих фраеров?

– Перед глазами мельтешили.

Бедовый поморщился. Происходило неприятное, контроль за разговором уходил в другую сторону.

– Это было личное или, как принято, по пьяни?

Одно дело – расспрашивает такой же зэк, другое – когда интересуется смотрящий. Разница ощутимая, но Толян этим правом никогда не злоупотреблял. Ему просто не давала покоя мысль о том, что сидящего перед ним человека устраивало все, что ему предлагала жизнь. Сейчас она предлагала ему муки и бесполезный, с точки зрения его, Толяна, труд, но Летун еще ни разу ничем не возмутился и не заявил, что он, хоть и в зоне, но все-таки человек. Обычно о том, что они люди, убийцы, насильники и мародеры вспоминают именно здесь. Этот – нет.

– Здесь все, кроме меня, считают, что их осудили несправедливо. Несправедливо хотя бы по сроку. Я не настаиваю, но ответ твой по этому поводу услышать все-таки хочется.

– Мне уже неважно это, – Летун был чем-то, видимо, расстроен. Именно сейчас, когда с ним об этом заговорили. – Я здесь, и это главное. Остается думать, как вновь стать свободным.

У Бедового дрогнула бровь.

– Свободным через восемнадцать лет? Или иначе?

– Мне уже неважно и это.

Толян пожевал губу. Зэк ему нравился, но он не мог понять, почему. На революционера не похож, на застенчивого ублюдка тоже, не похож и на суку, однако в глазах этого Летуна такое равнодушие, что остается подозревать, что он уже нашел веревку, а теперь мучается от невозможности достать кусок мыла. Страдать по нему здесь никто не будет при любом раскладе, однако жаль, если уйдет хороший человек.

– Давай поговорим еще через месяц, – решил Бедовый и оставил Летуна в покое.

Если бы в этот момент Бедового спросить, такая ли острая необходимость была в получении этой информации, и потребовать искреннего ответа, он признался бы, что необходимости не было. Всю подноготную, которая крылась в рамках уголовного дела любого из осужденных шестого барака, он знал наизусть. Для этого есть Хозяин, отношения с которым были налажены еще Царем, были кумовья, которые поясняли непонятное, и зона жила, управляемая администрацией, но по правилам Бедового. Смотрящий никогда не пойдет на поводу у начальника колонии, но всегда найдет компромиссное решение, когда всем удобно и цели обеих сторон реализуются, не пересекаясь. Бунта на зоне не хотел Хозяин, пренебрежительного отношения к себе не мог позволить Бедовый. Стороны понимали это, как и в любой колонии, и всегда находили компромисс. Платой за терпимое отношение друг к другу была вялая реакция со стороны Толяна, когда администрации хотелось шерстить барак и искать виновных не только там, где они были, но и там, где их не могло быть по всем определениям – на то администрация и существует, и малая толика информации, которую получал Бедовый из уст Хозяина. Сотрудничеством с «красными» назвать это было нельзя, это была политика, установленная годами. Однако никто не просил снисходительного отношения к себе и не предъявлял друг к другу претензии, когда зэки голодали и умирали от невыносимых условий содержания. Какие компромиссы бы ни существовали на «даче», они неминуемо приводили к ненависти одних к другим и издевательствам вторых над первыми.

История зэка по прозвищу Летун была известна Бедовому с первого дня пребывания того в зоне. Из материалов, имевшихся у Хозяина, следовало, что Литуновский, употребив изрядное количество спиртного, пошел встречать жену и стал свидетелем недружелюбного отношения к ней троих мужчин того возраста, когда армия уже за плечами, а праздник все продолжается. Получив отпор, трое молодых людей пообещали сделать мужу приглянувшейся им дамочки больно, и удалились. В качестве профилактики последующих событий и предупреждения реализации обещаний Литуновский вернулся домой, вооружился каким-то огнестрелом и пошел искать обидчиков. Нашел. И через полчаса после возвращения домой был задержан операми местного РОВД. Были свидетели, были протоколы, были понятые и суд.

Все бы ничего, статья у Летуна не позорная, и все указывает на то, что на «даче» появился человек, которого следовало уважать, однако Бедовый, пользующийся заслуженным авторитетом среди равных себе, никак не мог взять в толк, зачем интеллигентному на вид мужчине, у которого интеллект прямо-таки отсвечивает от лица, понадобилось идти убивать людей, не успевших его жену даже оскорбить. Бедовый решил выждать.

– А он признал свою вину на суде? – спросил мимоходом Толян у Хозяина.

– Нет, как мне известно, – пожал плечами тот. – Мне из «семерки» поступают не все сведения. Там, – он ткнул пальцем в крышу офицерского общежития, подразумевая, по всей видимости, начальство ИТК-7, – полагают, что много мне знать не нужно. А знаешь, зэк, я с ними согласен. Сколько вас здесь, незаконно обиженных? Пятьдесят? Сейчас уже пятьдесят один. Нам, как и вам, всегда кажется, что знать меньше положенного гораздо безопаснее, как если бы знать больше, чем нужно.

Однако Бедовый помнил, что в разговоре эти слова Летун в какой-то части опроверг. Он не стал утверждать, что невиновен. «Набивает себе цену и копит авторитет на восемнадцать грядущих лет?» – думалось смотрящему. Ответа не поступало, время шло. Как бы то ни было,

смириться с тем, что во вверенном ему братвой бараке проживает человек с мутной судьбой, Бедовый не мог.

К середине апреля уже никто не звал ээка ни Литуновским, ни Андреем. Летун. Здесь не было имен, они выветривались не только из барака, но и из памяти самих владельцев за те самые три месяца, которые новенький и пробыл в зоне. Дождливая весна, о которой молили зимой, обещала новые испытания – мошкарю. Так бывает всегда: кажется, нет ничего страшнее холода, и все будет легче, когда придет тепло. Но, едва под «антимоскитки» начинает пробираться гнус, лезть в ноздри, рот и глаза, на делянках все чаще вспоминается зима, и ее спасительная сила, убивающая этих летающих и кровососущих тварей.

Летом к «даче» стали все чаще прибывать подводы из окрестных деревень. Сдать в этом диком уголке природы молоко, яйца, сметану, творог и получить за них реальные деньги можно было только здесь, на «даче». Подросший молодняк весной переставал брать вымя и тянулся к пробивающейся сквозь еще холодную землю жидкой траве. Теперь молоко у деревенских было в избытке, и его можно было продавать.

И подводы, груженные плодами натурального хозяйства, потянулись из ближайшей деревни. Называлась она Кремьянка, жителей в ней насчитывалось не более двухсот, и пробавлялись они тем, что летом собирали ягоды и шишки, а зимой продавали их приезжим из Красноярска за бесценок. Как правило, к «филиалу» седьмой красноярской колонии, именуемой среди ээков «дачей», а среди жителей окрестных деревень «адам», приезжал кто-то один и привозил на своей лошади товар всех. Возвращаясь, отчитывался перед селянами по списку, по списку же и раздавал деньги. Деревенек таких вокруг «дачи» было несколько, одни говорили – шесть, другие – пять, но ближе всех располагалась Кремьянка. На «даче» всех знали в лицо и поименно, а иначе и не могло быть. Что там, что здесь люди жили долгое время и убывать в ближайшее время явно не собирались.

Троих заключенных, в том числе и Летуна, отправили на разгрузку очередной подводы, и старик с куцей бородашкой, заметив их приближение с конвоем и недовольный таким положением вещей, погрозил ээкам залоснившимся кнутом:

– Смотрите мне, ироды!.. Штоб ни одно яйцо не пропало. В прошлом годе два десятка пропало, даже скорлупы не нашлось! И килограмм творогу исчез. Знаю я вас...

Яйца, конечно, все равно пропали. Как и небольшое количество творога. За такими событиями не могли усмотреть ни двое парнишек с буквами «ВВ» на погонах, ни бдительная немецкая овчарка. Двое носили продукты в ледник, замполит распорядился внутри, а Летун подавал груз с телеги. Рядом с ним стоял вооруженный кнутом дед и сверял список с убывающим товаром. Все как обычно, как каждую весну.

– А что, дедушка, – тихо, как имел обыкновение разговаривать, поинтересовался Летун. – Пенсию у вас в деревне платят?

– Платят, – поморщился, недовольный, что его перебили, старик. – Лучше бы не платили.

– Что так?

– А на шестьсот рублей прожить можно?

– Шестьсот? – улыбнулся Летун. – Мы на сто пятьдесят в месяц живем.

– То вы, а то – мы, – резонно пояснил дед. – Разницу чуешь? Ты аккуратней подавай, аккуратней. Это не кедр, а яйца.

– А как же вы живете на шестьсот рублей? – снова помешал старику вести подсчеты Летун. – Хозяйство разве можно содержать на такие деньги?

– Да ты меня специально со счета сбиваешь никак? – возмутился курьер. – Я все равно с ледником сверюсь.

– Не вопрос, – согласился Литуновский. – А детки разве не помогают?

– Ты, ээк, новенький, как я догадываюсь, – осенило старика. – Детки все при нас. Куды им отсюда ехать? Кому оне в городе нужны?

Немного смирившись с тем, что его не обманывают, а просто разговаривают, как с человеком, сельчанин присел на грядку телеги и прокашлялся. Угостил Летуна папиросой, прикурив сам и, пустив в сторону дымок, признался:

– Думаешь, нам легко? У меня трое сынов, и дочка на сносях. Мотоцикл сломался, а где мне пятьсот рублей на ремонт взять? Ладно, жиры и мясо в доме есть, но мыло надо? Сахар надо? А внуков обувать во что? Просил у вашего кирзы старой, не дает. А мне вас жалко, ей-богу, жалко. Убивцы вы, конечно, но моя бы воля, упростил бы я жизнь вам.

– Это каким же образом?

Андрей затянулся папиросой, и голова у него закружилась, как от стакана водки. Три месяца назад оказавшись здесь крепким человеком, в свои сорок лет он и не думал о том, что после разгрузки половины телеги с грузом у него иссякнут силы и он почувствует слабость. Это состояние немощности усиливалось с каждым днем, и он начал чувствовать приход той болезни тела и духа, которая здесь называется синдромом «дачи». Это состояние жуткой депрессии от понимания того, что ты не прожил тут и двадцатой части положенного срока, но начинаешь задумываться, как не загнуться следующей зимой. Андрей думал о зиме, потому что не знал, как тяжело на «даче» лето. Полная депрессия овладеет его разумом тогда, когда он поймет истину, доходящую до каждого новенького, прожившего здесь год. Лето на «даче» не лучше, чем зима. А весна не лучше осени. Время года меняется, а мысли о том, как сохранить силы и выжить, остаются прежними. И каждый новый год уверяет в том, что никто отсюда уже не уйдет. За три последних года во всяком случае ушло всего шестеро. И сейчас они лежат на зоновском кладбище под памятником из штакетника, на котором значатся лишь цифры. Здесь нет фамилий. Пока живешь, имеешь кличку. Ушел – получишь цифры.

– Каким образом? – Дед задумался. – Ну, лес, ведь его весь не свалить, сынок. Так зачем вас так мучить? Дорогу строят – кедры трактором валят. Потому что быстрее и дешевле. Знают, вас валить заставляют, чтобы не скучали. Скучному зэку мысли в голову бедовые лезут, да силы у его на свежем воздухе крепчают. А ведь вам, паря, сроки такие не для того дают, чтобы вы здоровье копили. Тебе, к примеру, сколько дали?

Литуновский признался, что восемнадцать. Услышав число, старик обмяк и сразу постарел лицом. Кнут в его руке уже не играл, а шевелился.

– Вот оно, значица, как... А за что, ежели не секрет?

– За убийство.

– Вот оно как, значица... А сейчас-то тебе, паря, сколько?

– Сорок один.

Старик затянулся папиросой. Подсчитал уже давно, но произносить вслух стеснялся. Деревенские, они учтивые. Пусть даже зэка, но не обидят. Чувствовалось, что старик жалеет о своем любопытстве.

– Пятьдесят девять мне будет, дед, – ответил за него Андрей. Тихо ответил, спокойно. Но столько воя и горя было в этом спокойствии, что старик покопался в телеге и вынул какой-то пакет.

– Поешь творожку, – он развернул сверток и протянул Андрею. – Это мой, не отчетный. В дорогу брал.

Зачерпнув рукой белоснежного месива, Литуновский отправил его в рот и зажмурил от удовольствия глаза. Творог на свободе он не ел, особой любви к нему не испытывал, но сейчас, когда почувствовал на небе кислый вкус сладкой свободы, вдруг перестал жевать и закрыл рукой глаза.

– Да ты не переживай, он действительно мой. Ничего не стоит.

Слез не было, Литуновский не мог их себе позволить, однако наружу могла выскользнуть и та влага, что накопилась за доли секунды независимо от его желания. Развернув вверх лицо,

он посмотрел на медленно плывущее облако. Оно было похоже на плюшевого белого мишку, которого он купил сыну на пятый день рождения.

– Ты жуй, жуй, – по-доброму, не понимая, посоветовал старик, видя, как Летун сидит с полным ртом и смотрит в небо. – Я еще дам.

Творог во рту превратился в раскисшую массу. Ее невозможно было ни проглотить сжавшимся от тоски горлом, ни прожевать. Старик, сообразив, что происходит неладное, быстро вынул из сидорка закупоренную газетной тычкой бутылку молока, и протянул ээку.

– Спасибо, – едва отдышавшись, поблагодарил Андрей и вернул бутылку. – Спасибо...

– Вот еще яйца, вот хлеб. Пользуй.

Но Литуновский, силой заставив увести глаза в сторону, отказался:

– Тебе обратно ехать, побереги.

Двое заключенных носили товар, и по их возбужденным лицам было понятно – носят не зря. В такие минуты внимание охранников и подсчеты замполита в леднике бессильны.

– Лодку починить надо, – продолжал сетовать старик, – а на что купить смолы? Опять же, сети прохудились. Мы со старухой подсчитали, чтобы все дыры в хозяйстве заткнуть, не менее двух тысяч трехсот рублей надо. Ну, выручу я сейчас рублей триста, ладно. Рыбы кровососам городским сдать рублей на двести. А где остальные взять? До шишек еще полгода, а за мехом скорняги лишь в декабре придут, после линьки. Как жить? Ох, горе...

– Да, трудно вам, – пробормотал Андрей. – Вам бы две с половиной тысячи. Решение всех вопросов...

Старик посмотрел на Летуна взглядом, полным возмущения.

– Две с половиной... Да полторы бы! Я шифер бы старый использовал на дому, и деловито. А полторы – это в самый раз.

Над их головами стремительно пролетела какая-то серая птичка и, чиркнув воздух коротким пением, скрылась в лесу.

– Скороспел, – поспешил объяснить дед. – Значит, разлетались, лето дождливое будет. Ох, горе вам, ребята... После такой зимы такое лето...

– Ну, что там? – Из ледника показался порядком замерзший замполит.

Конвоир, тот, что с собакой, крикнул, что разгрузка завершена, и спросил, уводить ли «этих троих». Литуновский с первого дня отметил про себя одну особенность – их никогда не называли людьми. Лишь числом, в зависимости от того, какое количество человек имелось в виду. Если один – номер на телогрейке. Если несколько, то как сейчас – «этих троих».

– Ты вот что, парень, – засуетился сельчанин. – Я через две недели снова приеду, товар привезу, так я тебя на разгрузку попрошу. Начальник зоны мне разрешит, так что посидим, я захвачу для тебя поесть чего, поговорим, лады?

– Лады, – Андрей соскочил с телеги и протянул старику руку. – Спасибо за молоко. Ну, и за творог, конечно.

Если бы не этот творог, Андрей еще не скоро бы почувствовал, что его судьба расколота, как колода топором. Восемнадцать лет были настолько нереальным, плохо усваиваемым в голове понятием, что время, отбываемое на «даче», текло размеренно и спокойно. Еще не было необходимости вычитать из восемнадцати лет, обозначенных судьей с голубыми волосами, три месяца и получать результат в семнадцать лет и девять месяцев. Литуновский лишь сейчас, подталкиваемый прикладами в спину,двигающийся к бараку, стал осознавать, что в этой зоне прошла вся жизнь, а сидеть ему еще шестьдесят восемь раз по столько. Он так и зашел в барак. На негнувшихся ногах прошел до нар и сел, словно боксер, только что получивший нокаун. И еще этот запах творога свободы, что стоял во рту и отдавал теплым коровьим молоком, вкус которого он совершенно позабыл.

Белый мишка, еще даже не успевший запылиться к тому моменту, когда за Литуновским пришли, жена, с которой за шесть лет он так и не смог ни единожды поссориться, работа, которую ни разу не предавал, знакомые лица...

Все это сначала медленно двигалось перед его глазами, потом вдруг закружилось со страшной скоростью, промелькнуло, исчезло, и на смену привычному, старому, пришел затхлый запах барака, не просыхающая до утра одежда, лица, надрывающиеся от натуги, и спелые, молодые лица конвоиров, утешавших себя тем, что они здесь на два года, а он, Летун, на восемнадцать.

Восемнадцать лет...

Боже мой, думалось Андрею, Вике будет сорок восемь, Ваньке двадцать три, а ему, законченному старику, пятьдесят девять. Он даже не сможет ощутить то чувство восторга, которое испытывает мужчина... Если он выживет, если сможет уехать на свободу в вагоне поезда дальнего следования на восток, то он уже никогда не станет тем, кем был до сих пор. Черт с ней, службой, бог с ними, машиной и вещами. Он не сможет обнять жену и доставить ей удовольствие, которого она ждала восемнадцать лет...

А кто сказал, что она будет ждать столько времени? Он уже столько наслушался, что и тени сомнения не может быть в том, что Вика не откроет объятия кому-нибудь другому. Да, возможно, что она все эти годы будет жить одна. Да, она встретит его дома, но кто уверит Андрея в том, что за эти восемнадцать лет она ни разу не предала его? Ведь это просто невозможно, она человек, как и все.

Литуновский сел на нары и прислушался к себе. Смог бы он ждать Вика восемнадцать лет, не прикасаясь ни к одной женщине? И ужас овладел им, когда он понял, что однозначного ответа, того, которого он ожидал, нет. Если это не случится сознательно, то может произойти случайно. Праздник, чуть превышенная норма спиртного, легкий флирт, а утром будет уже поздно. Уже все произошло, и теперь остается только лгать. Лгать и... раз уж это случилось, и врать все равно придется... Зачем ей мучить себя ожиданием? Срок, в конце концов, дали ему, а не ей.

И он едва не сошел с ума. Выводы, которые не напрашивались в течение трех месяцев, внезапно стали очевидными, и горло вновь перехлестнула веревка горя. Он сидит и строит будущее Вики, а если это уже... Если это уже произошло? Три месяца. Вика не могла и дня обойтись без любви, она была моложе на одиннадцать лет, и от сил и нежности Андрея заводилась с первой минуты близости. Ей сейчас так не хватает этой близости, зато в избытке тех, кто готов понять и утешить...

Он поймал себя на мысли о том, что размышляет, к кому Вика отправит Ваньку, чтобы он не стал свидетелем того, как ее утешает кто-то другой, очень не похожий на папу. Ванька... Он вылитый Литуновский, лишь нос у него чуть с горбинкой, как у Вики. Он вырастет, и так и не поймет до конца, есть у него отец или нет. Не сходит с ним на стадион, на свой первый футбольный матч, и советоваться о первой близости с женщиной будет не с бывшим эком, валившим в Красноярской тайге кедр, а со сверстником, уже пережившим эти счастливые минуты разочарования.

Уж лучше, если Вика выйдет замуж. Давя в горле слезы горя, которого ни разу не испытывал за сорок один год жизни, Литуновский думал о том, что даст ей развод не задумываясь, лишь бы не чувствовать себя здесь обманутым и забытым. Когда Ванька его увидит, сухого, иссушенного туберкулезным кашлем и язвой, ему, Ваньке, будет уже все равно. Какие чувства может испытывать взрослый человек, который последний раз видел отца в возрасте пяти лет? Да и увидит ли? Прожито всего одна шестьдесят восьмая срока, которая уже показалась вечностью. Больным сном, за который пролетела жизнь.

«Когда я отсюда выйду, Брежнев будет целовать марсианина. А.Смышляев, 1981 г.».

Не будет, Смышляев, не будет.

Фьюить! – рядом с окном, у самой земли, чиркнула тишину птичка.

Скороспел – так, кажется, назвал ее тот старик из Кремьянки. К дождливому лету, сказал.

Такие вот перспективы. А как прожить этот день? Как жить здесь каждый день, понимая, что жизнь уходит, утекает как песок сквозь расставленные пальцы, и ее уже ни на что не хватит?

Лето... До лета еще два месяца. А после дождливого августа на болоте завоевывает выпь, и старик придет и объяснит, что это к морозной зиме. Выпь воет от переживаний за то, что тепло закончилось, сил накоплено немного, и она не уверена, что их хватит на перелет до Африки. Там, в Египте, у нее есть облюбованный кусочек Нила, где она каждый год проводит время в компании с себе подобными. Там тепло, много лягушек, но до всего этого нужно еще долететь.

А он так хочет быть с Викой и сыном прямо сейчас, за семнадцать лет и девять месяцев до того часа, когда перед ним распахнут ворота «дачи» седьмой красноярской колонии. Он пересек бы двойное ограждение и бегом побежал к вокзалу, не ожидая вечернего рейса зоновского «ЗИЛа», чтобы оказаться попутчиком. Он сходил бы с ума, считая часы дороги, отпусти его прямо сейчас. Но перед тем как ему оказаться на перроне с билетом и справкой об освобождении в руке, должно пройти семнадцать лет и девять месяцев. Должна пройти жизнь.

Придя в себя, он стал прислушиваться к себе, пытаясь понять, какие изменения произошли в нем с того момента, как он стал думать о Вике и сыне. Через минуту вползающее, не оставляющее его ни на минуту, как и любого другого здесь, чувство голода вновь вернуло его в реальность. Хочется есть, а до ужина еще два часа.

«Хочу мяса...»

Фьюить!..

Глава 2

Лес стоял тут тысячелетиями не для того, чтобы упасть под первым ударом топора или единственным вжиком бензопилы. Природа предусмотрительна, она растит кедр, заботясь об их будущем. Вырастает великан высотой тридцать метров, его гнут бури, прогибает ветки мокрый снег, сушат ветра, а он стоит и продолжает набирать мощь. Поддастся ли он, когда к его подножию подойдут двое измученных болезнями и голодом эков и начнут долбить его топорами?

Долго им долбить придется. Пилой, пилой его... Когда силы двоих уже на исходе, соленый пот заливают глаза, а обезвоженный организм начинает давать сбои, кедр, чуть затрещав, указывает кроной место своего будущего падения. Ох, как не хочется ему, простоявшему сто лет, падать...

Он будет еще долго цепляться за жизнь, прогибаясь и вибрируя, не давая обессиленным экам повалить его огромной палкой.

Эки упираются в землю, словно пытаясь оттолкнуться от обратного хода ее вращения, наконец стопорят ее, и кедр, которому уже некуда деваться, остается последняя надежда – забрать с собой, если повезет, хотя бы одного из этих мерзавцев. Они приехали в тайгу на четверть своей жизни, и цель у них одна – уничтожить как можно больше его собратьев, простоявших тут века.

– Не сидим, мать вашу!

Конвой зол. Кажется, не выполняется норма. На саму норму наплевать, но подходят к конвою бугры и жалуются, что день перевалил через экватор, а выработки нет. Нет плана, значит, это не зона, а дом отдыха. И конвой свирепеет. С них тоже спросят. Толяну Бедовому на все это наплевать. Он не вмешивается в дела одних и проблемы других. Его задача – вопросы решать и делать все возможное, чтобы эки за разбором к нему приходили, а не на ножах в бараке схватывались.

– Упрели, суки? За работу!

Зол конвой. А овчарки, те вообще с ума сходят. Зачем такие тонкие поводки? Эки косятся на них, и думают, на кого из них кинется та, ближняя, чепрачного окраса, если вдруг засаленный поводок срежется и зверь почувствует свободу? Зверь – не человек, ему думать не положено. Раз поводок ослаб, значит, агу. Кто тут ближний? Вот этот, дед с желтым лицом. Он, когда кашляет, глаза пучит. Дразнит, гад. Потому он и первый. А вторым будет, если хозяин не успокоит, вот этот сорокалетний хмырь с наглым взглядом.

Овчарка подалась было на него, но внезапно осеклась, и лай стал тоньше. А вскоре и вовсе успокоилась. Не смотрит в глаза сорокалетнему, свежему еще и сильному. Взгляд у него какой-то свой. Ему бы среди хозяина и прочих, а он с этими, вонючими, которых порвать хочется сразу, едва на глаза попадутся. И дух от этого новенького какой-то привычный, успокаивающий. Но самое главное – взгляд. Не боится собак, и собаки, встречая его глаза, успокаиваются. На своего он похож, сорокалетний этот. Иначе от него пахнет, а потому злобы нет.

Обед, а силы эков уже на исходе. Делянка ширится, будь она проклята, а тайга не заканчивается. В России в зоне сидеть невыносимо. Леса в ней еще лет на пятьсот отсидки. А пока эти дорубишь, за спиной новые вырастут. Неисчерпаемые запасы, богатство российское...

– Мы с тобой друзья или не друзья?

Зебра впился зубами в кусок сухаря, один из тех, на которые обыграл в «буру» кухонного шныря, и протянул вторую половину Летуну.

Саня Зебров, тридцатипятилетний малый с вызывающими наколками на обеих кистях рук, попал на «дачу» сразу после того, как в возрасте двадцати восьми лет получил условный срок наказания в четыре года за кражу автомобиля из чужого гаража. Судья учел, что Зебра

работает автослесарем, его положительные профессиональные характеристики с места работы (а иначе и быть не могло, поскольку человек крал автомобиль, поставленный в охраняемом гараже на сигнализацию, и в конце концов украл), наличие несовершеннолетнего ребенка в семье и пожалел. Светил реальный срок, потому что авто Саня успел разобрать и часть его продать, но раскаяние и положительная характеристика с работы и с места жительства сделали свое дело. Не помогла прокурору даже имеющаяся у Сани судимость за грабеж. Зебра так и вышел из суда, не понимая, с ним пошутили, или он действительно на свободе.

То ли на радости, то ли по глупости, он в этот же вечер вместе с друзьями отпраздновал победу адвоката, и этим же составом они взяли разбоем квартиру. Взяли их на пороге, поскольку хозяева, умные люди, перед сном ставили квартиру на охрану. И снимали лишь после того, как убеждались в том, что прибывшие не унесут из квартиры деньги, только что вырученные за проданный в деревне дом. За ними, собственно говоря, Зебра с друзьями и шел. Положительная характеристика из жилищно-эксплуатационного участка на этот раз на судью не возымела никакого действия, и он прямо-таки пошел на поводу у государственного обвинителя. Двенадцать лет лишения свободы за выбитые зубы хозяина квартиры и инфаркт хозяйки. Плюс те четыре, которые повезло не получить ранее. Из шестнадцати имеющихся Зебра провел на «даче» пять, и теперь в некотором смысле считался старожилом.

– Ну, друзья, – не особенно налегая на смысл слова, согласился Андрей.

– Так ты мне скажи тогда, Летун, почему ты постоянно смотришь на небо?

Литуновский переставил пилу на другую от себя сторону и полез в карман за сигаретами. До обеда оставалось чуть больше десяти минут, и вряд ли конвой будет настаивать на том, чтобы работа возобновлялась. Они сами голодны, хоть и не так, как Андрей.

– Чтоб я сдох, – без чувств разозлился Зебра. – Что ты все время молчишь? Мы вместе уже четыре месяца, а я никак не могу понять, стоит ли мозолить язык, чтобы расположить к себе человека. Не хочешь – скажи бугру, он разъединит нас, и ты получишь в пару того, с кем тебе будет легче проводить срок.

Спрятав сигарету в мятую и чуть сырую от собственного пота пачку, Андрей вернул ее в карман и поморщился. Мошкара любит пот, она летит на его малейший запах и пытается попасть туда, где может доставить жертве массу неудобств. Например, в глаза. Или в нос, как сейчас Зебре.

– У тебя остался кто-то на воле?

– Да, – уже не расстраиваясь от этой темы, буркнул Саня. – Как без этого. Жена есть. Пишет, что ждет. Я, конечно, как и все здесь, в сомнениях, но, судя по тексту, эти сомнения излишни. Понимаешь, я жену чувствую. Она, бывало, когда я еще на свободе был, говорит что-то, а я чувствую напряжение. Начинаю выяснять – точно, опять у матери своей была, и та ее жизни учила. Поэтому сейчас, читая письма, понимаю – скучает. А Татьяна, если в чувствах, никого к себе не подпустит. Знаю, дождется, что бы ни произошло. Хотя что произойдет? – Зебра очертил прутом около своих сапог круг и зачем-то перечеркнул его повдоль. – Одиннадцать лет еще. Но письма приходят регулярно. Танька, она верная. И дочь растет. Жена пишет, что в школе у нее порядок, вот только с математикой небольшой рамс.

Сигарету Литуновский все-таки достал. В его жесте, когда он вынимал ту же сигарету из пачки, была некая едва заметная досада, но понять это мог лишь человек, хорошо знающий Андрея.

– Что еще пишет? Какая погода в Подмоскowie?

– А откуда ты знаешь, что я из Подмоскowie? – удивился Санька и тут же спохватился: – Ах, да, я же тебе сам вчера говорил. Когда ты опять на небо смотрел... Я забыл – о чем ты спрашивал?

Вместо ответа Летун встал, с трудом закинул на руку пилу, и решительно подался к остальным. Но, отойдя на несколько шагов от удивленного напарника, вернуться назад все-таки нужным счел.

– Вот поэтому я здесь никогда ни с кем не разговариваю, если речь идет о доме. Скорее всего да и – не скорее всего, а так оно и будет – таким же через пару месяцев стану и я. Лживым сукиным сыном, требующим, чтобы перед ним самим распахивали душу.

Сплюнул куда-то в кусты и продолжил движение в сторону сбора, где уже покрикивал конвоир и рвались с поводков овчарки.

– Подожди! – возмутился Зебра.

Схватив с земли длинную палку, он стал догонять Литуновского.

– Да ты что, с цепи сорвался? Почему это я – лживый сукин сын?! Мы напарники, так будь добр, ответь.

Идти быстро ему было так же тяжело, как и Андрею, года пребывания на «даче» стали брать свое, и вскоре он стал кричать уже из-за спины.

– Ты хороший человек, Летун, но ты совершенно непереносимый фраер! Постой, черт тебя побери!..

Андрею нужно было передохнуть, и лишь поэтому он скинул с плеч «Тайгу». Встал как вкопанный и принялся вытирать со лба льющийся ручьями пот. Дождавшись, когда Зебра подойдет, он одной рукой подцепил воротник его фуфайки и приблизил его лицо к своему.

– С математикой, говоришь, рамс? Теща жену жизни учит? Твоя жена давно наплевала на тебя. И ты, не желая казаться одним из многих здесь забытых, красишь свою жизнь и слух других фантазиями о том, как все было бы, окажись ты не здесь, а дома!

– Ты что несешь? – зашипел Зебра, вырываясь из пока еще сильных рук напарника. – Сдурел, что ли?

– Я не сдурел. И понимаю тебя, Саня. С каждой почтой тебе приходит письмо из дома, и ты, кивая головой, читаешь его на нарах и делишься событиями с другими.

Санька молчал и темными, похожими на маслины глазами смотрел на подбородок Андрея.

– Здесь, как и везде, не любят неудачников. Быть может, если бы почту от Хозяина постоянно забирал не ты, а я, мне пришлось бы тоже, каждый раз, раздавая вскрытые конверты, один из них прилюдно вручать себе. Один и тот же конверт, ты понял? Один и тот же! Старательно хранимый в целлофановом пакете, чтобы, не дай бог, не затерся до следующего раза. Ты держишь его в тумбочке, и всякий раз, направляясь за письмами, забираешь с собой. На этом конверте один и тот же рисунок, и одни и те же, что и в прошлый раз, места замазаны маркером. Кажется, это вижу один я, и боюсь – ты слышишь? – я боюсь того момента, когда стану понимать, что начинаю тебе верить. Придет этот страшный момент, и я, подыгрывая тебе, превращусь в такого же лжеца, коими тут являются все!

Литуновский отпустил воротник Зебры и легонько стукнул его кулаком в грудь.

– И после этого ты хочешь, чтобы я распахнул перед тобой душу? Зачем, Саша? Мы прокляты, и снисхождение божье на нас уже никогда не сойдет. Никогда, ты понимаешь? Земля вращается, и мы находимся в мертвой зоне, не видимой не только господу, но и остальным.

Вот теперь стало действительно трудно. Сколько кедров свалено? Десять, двадцать? Зебра знает. Он все знает, и Литуновскому считать не нужно. Зебра черта с два даст их обмануть. Доплестись бы до походной кухни. Что там сегодня? Ах, да, он опять забыл. Перловка без масла и щи из прелой капусты с тушенкой. Тушенки нет, какая тушенка может быть на два рубля в сутки на содержание особо опасного преступника? Тушенка у конвоя. Вон, один свою собаку ею кормит. Собака косится на эков, чтобы, не дай бог, к миске не приблизился кто, и жрет, всасывая волокнистое мясо, как пылесос. И эки косятся. Хочется мяса, хочется, но как у собак попросишь?

– Андрюха, зачем ты так?

– Чтоб не врал мне никогда, – пояснил Летун. – Свела нас зона, нары рядом поставила, в пару определила, так что будь любезен. Или как ты там говоришь? Будь добр? Так вот, Саня, будь добр, не лечи меня никогда ложью. Первый раз с тобой заговорил и сразу на кривду нарвался. Еще раз солжешь – до две тысячи двадцатого года слова не вымолвлю.

Суп проще есть, если перевернуть котелок углом вверх. За шесть-семь присестов его можно выпить, потом размеренно съесть перловку, и выгадать таким образом, на супе, минутую другую на перекур. Хлеб лучше спрятать в карман. До ужина прорва времени, а есть хочется уже сейчас. Если не тарить хлеб по карманам, леса много не навалишь. Не будешь лес валить – ШИЗО, будьте любезны. А это тридцать дней на теплой воде с привкусом капусты и по три куска хлеба. За месяц люди сбрасывают килограммов по десять, и после этого с ними начинают самые ужасные вещи. Сил нет, пополнять их нечем, и человек начинает болеть. С этого момента начинается волшебное исполнение желаний того, кто направил зэка не на «семерку», где рай, а на «дачу».

«Дача» – это богом проклятая больничная палата, где в одиночках лежат больные и ожидают того часа, когда их перенесут в ледник. Выздоровливающих больных на «даче» не бывает. Список зэков составлен поименно, и смыслом их помещения сюда является не исправление, а уничтожение. Эти люди опасны для общества, точнее, для лучшей его части. Исполняется воля высшего света, потому как нет в шестом бараке ни одного, кто на воле не обидел бы власть имущих. Потому лучше не болеть. Болезнь – это командировочное предписание в штрафной изолятор. А ШИЗО – стартовая площадка для рывка на волю. Воля расположена в двухстах метрах от «запретки». Сотни штакетных реек с фанерными щитками, на которых обозначен лишь номер. Литуновский, если вдруг заболит, да не выздоровеет, будет лежать под штакетной с цифрами 72555. Зебра – 67323.

Другого пути на волю отсюда нет. Шестеро пробовали за всю историю стояния шестого барака, но все оказались здесь. Заколдованный круг, очерченный двадцатью гектарами тайги, опоясанной колючей проволокой. Внутри – барак, административный корпус, ледник, кладовая для инструмента, караульное помещение и столовая. Снаружи – тысячи километров безмолвия и миллиарды еще не поваленных деревьев. Из населенных пунктов – селения по двадцать домов, где хозяину для поднятия хозяйства достаточно две тысячи триста рублей, да сторожки, в которые прибывают белковать те же сельчане. Никто из находящихся внутри круга не знает точного направления к ним, дорогу сюда знают лишь старожилы из местных, что до сих пор поклоняются прокопченным колодам. Дорогу отсюда не знает никто. Кроме них же. Да пилотов малой авиации, что доставляют из «семерки» тушенку для собак и капусту для зэков. Расстояния здесь меряют сотнями километров, время – десятилетиями срока.

Так-так-так-так-так!..

Цепочка зэков, бредущих с работ, хочет она того или нет, поворачивает головы на звук.

Так-так-так... Сколько мне еще умирать здесь, дятел?

– Шевелись, скоты!..

И зэки шевелятся.

Главное, не нарываться на неприятности. Если вызовут к Хозяину, жди либо беды, либо подарка. Беда приходит, когда заключенному объявляется распоряжение отбыть на две недели в ШИЗО, подарок – если вдруг на «дачу» придет бумага из Москвы о том, что комиссия по помилованию взяла под свой контроль заявление жителя шестого барака. Но даже дед, проживший тут полтора десятка лет, не может припомнить, когда бы зэка при построении объявляли помилованным. Это было бы удивительным, так как здесь отбывают наказание отбросы общества, которые на воле оказались неспособными даже к тому, чтобы зарекомендовать себя для поездки на Остров Смерти. С теми все ясно, им двадцать пять сидеть, книги читать и Библию зубрить. Туберкулез не страшен, от бессилия не загнешься. ОБСЕ каждый год «особые»

шмонает, и не дай бог установит, что «полосатому» мяса на двадцать граммов меньше положили. После двадцати пяти напишешь заявление, что осознал и опасности для общества более не представляешь, и, если поверят, выйдешь здоровым, розовым и литературно образованным.

А здесь... Перед отправкой на «дачу» можно получить двадцать четыре, и уже в начале второго десятка загнуться от комплексной терапии, которую над тобой учинили туберкулез, чистка, язва и энцефалит. Замполит вон о простате еще говорил, да о почках... Парацетамолу не хватает, беда без парацетамола.

В середине апреля в зоне произошло событие, которое едва не поставило под вопрос авторитет Толяна Бедового. Смотрящий, собственно, совсем не при делах был, и о теме той ни ухом ни рылом. И поножовщина, которую устроили в бараке Гена Севостьянов, он же Сивый, и Миша Ячников, он же Яйцо, явилась даже не взрывом накопленного за годы гнета отчаяния, а сиюминутной бытовой склокой, вызванной обычным недопониманием сторон. Конвой, слава богу, привлекать не пришлось, и Хозяин ничего не узнал. Но бойня была знатная, и закончилась она лишь после вмешательства доброй половины жителей барака.

Началась эта история с того, что в конце рабочего дня, часов около семи вечера дня тринадцатого месяца апреля Сивый почувствовал жуткое жжение в месте, коим он доселе отправлял естественные надобности в деревянном туалете на улице. Не столь уж это редкое явление было в бараке, мойка для которого организовывалась раз в неделю, и Сивый решил подождать. В конце концов, подумал он, совершенно не подозревая, что думает именно о предмете своего беспокойства, я сам виноват в случившемся. Другие, кому небезынтересна судьба откровенных мест, каждый день, а то и по два раза в день, производят омовения и не считают это зазорным. Я же с таким попустительством отнесся к самому дорогому, и винить теперь за случившееся можно только себя.

Так в общедоступной, легко усваиваемой для слуха и чтения форме выразил свои мысли Сивый. О чем он думал на самом деле, никому не было известно, да только около восьми часов вечера он отправился в лазарет, где уже готовился смотреть по телевизору фильм врач, лейтенант службы Колосников. Вышка для удобства связи с Большой землей была выстроена еще в начале шестидесятых, а впоследствии ее оборудовали под прием единственного канала Красноярского телевидения, и руководство этому было несказанно радо. Телевизоров на «даче» было три, и место их нахождения определено Хозяином его же приказом. Первый – в лазарете, совмещенном с жильем офицеров колонии, второй – в казарме (для комиссий из Москвы, если такие наконец-то случатся) и третий – у Хозяина.

Начинался «Блеф», и Челентано уже зашел в сортир столыпина, чтобы опереться на будущего подельника и бежать, как вдруг лейтенант услышал стук в дверь.

Через три минуты, выполняя просьбу начальника лазарета предъявить симптомы заболевания, Сивый взял в руку потяжелевший предмет и коротко объяснил:

– Вот.

– Понятно, – сказал врач, понимающий, что триппер, гонорею, сифилис и трихомониаз в силу специфики местной жизни придется исключить. – Не моемся. Если к нам из «семерки» ко Дню Победы прибудет оркестр и большой барабанщик заболевет, то вы, осужденный Севостьянов, сможете легко его заменить.

– Так что же делать? – ужаснулся перспективам Сивый. – Мне больно ходить в туалет. Я почти кричу, блин.

– Я бы дал вам супрастину... – задумчиво произнес врач.

– Так дайте, – вскричал Сивый.

– Но его нет. А потому вот вам марганцовка и бинт. Будете делать ванночки три раза в день.

И объяснил, как.

Убитый горем Сивый вернулся в барак, выпросил у шныря сломанный котелок и сделал падающий раствор для ванночек. Когда в бараке погас свет, а в углу, где бытовал Бедовый, продолжилась игра в карты под «коптилку», Сивый вынул из тумбочки приготовленный раствор и в течение получаса делал ванночку. Проведя первый курс лечения, он убрал котелок в тумбочку и улегся спать.

Наигравшись в карты, Яйцо, напарник Сивого по валке кедров и сосед по нарам, вернулся на место и перед тем как лечь полез в тумбочку за сигаретами. Обнаружив при свете спички котелок с водой, он вспомнил об изжоге, набрал в пригоршню небольшую горку соды, и запил ее, не забыв мысленно поблагодарить напарника за бытовую мудрость.

Утром, проснувшись до подъема, Яйцо открыл глаза и вскоре рассмотрел в темноте странную картину. Был еще некто, кто проснулся раньше, и теперь он совершал с котелком действия, не совсем поддающиеся пониманию.

– Ты что делаешь? – шепотом спросил Яйцо.

Сивому, застигнутому врасплох, не удалось додуматься ни до чего лучшего, как до признания.

– И... как давно ты принимаешь ванночки? – задыхаясь от ужасного подозрения, спросил Яйцо.

Сказав правду о главном, Сивый решил не врать в мелочах.

Их разняли еще до подъема, но только через пять минут после того, как Яйцо вскочил с постели. Вскоре оба предстали перед судом, председательствующим на котором был Бедовый, а секретарем, как обычно – Колода. Суд был скорым и, как принято его называть, справедливым. Сивому ставилось в вину, что он не предупредил о характере своего лечения напарника, что явилось причиной оскорбления последнего, и в качестве компенсации было предложено передавать в фонд потерпевшего заработанные за месяц деньги. Понятно, что в этом случае Сивый не мог пользоваться сигаретами и чаем ровно один месяц, и в условиях «дачи» это было более чем строгое наказание. Там же, во время судебного процесса, было постановлено Яйцо оскорбившимся не считать. Инцидент был исчерпан, взаимоотношения урегулированы. Единственное исключение, которое пришлось сделать, это выполнить требование Яйца о замене напарника. Истец сказал:

– Как я теперь буду смотреть на эту рожу, хлебающую баланду из нашего общего котелка? Суд, рассмотрев ходатайство, его удовлетворил.

И в тот же день в зону прибыл старик из Кремьянки.

Глава 3

Лицо Вики стало сводить Литуновского с ума.

Оно стояло перед ним, когда он вгрызался полотном пилы в промерзший ствол кедра, когда помогал Зебре налегать на палку, чтобы повалить векового исполина на землю, и когда Зебра, собирая остаток сил, кричал во время ужасного треска древесной плоти – «Бойся!».

Кедр падал, поднимал ввысь бурю снега, к нему уже торопились, гонимые конвоем, сучкорубы, и снег, оседая, вновь открывал для Андрея лик его прекрасной жены.

– Семнадцать лет и пять месяцев... – шептал он, тая взгляд от напарника. – Семнадцать лет...

Пять, а не восемь – потому что три длилось следствие, и оно засчитывается в срок. Гуманно, не вопрос. Но как быстро его «упаковали»! В камере СИЗО, где он сидел на следствии, были люди, живущие там шестой месяц за превышение полномочий. А по «сто пятой части второй» его проблему разрешили в течение одного квартала. Если бы тормозили дело и волокитили, быть может, на «даче» пришлось бы жить на несколько месяцев меньше. Но кому-то так врезалась вожа под хвост, что это, наверное, первый в истории Старосибирска случай, когда подозреваемого обвинили, а подсудимого судили в такие короткие сроки за тройное убийство.

Но Андрей не берет в учет эти три месяца. С таким запасом спокойнее жить. Говоришь и думаешь – «семнадцать лет и восемь месяцев», иначе говоря – ноябрь две тысячи двадцатого, а на деле выйдет – начало августа. Все легче.

Ясные глаза Виктории Литуновской возникали перед ним из темноты. Как на том снимке, за два месяца до ареста, она сидела, прижимая к своему лицу головку Ваньки. Она улыбалась, была молода и красива, и эти две пары глаз, смотрящих на него из темноты, заставляли его сжимать зубы и молить бога о забвенье.

Все, чем он жил, что было для него в этой жизни главным, осталось за двадцатью гектарами этой проклятой людьми и богом земли. Колючая проволока и собаки, рвущиеся с цепи, унижения, холод и голод – все было ничтожно в его страданиях. Две пары глаз, жены и сына, и мысль о том, что, может быть... Что, быть может, он все-таки будет нужен им через семнадцать лет и восемь месяцев – вот то, что заставляло его не вскочить с нар и не побежать под автоматный огонь конвоя.

Он бы давно уже сделал это, случись так, что не осталось бы на воле самого главного. Тычки в спину и мат, зуботычины и оскорбления, все то, к чему давно привыкли старожилы этого ада, были для Литуновского настоящей мукой. Он никогда не позволял поступать с собой подобным образом, когда был равен в правах со всеми. Он любил жизнь и знал, что она может подарить, будь к ней снисходителен, а к себе беспощаден. Он верил, что все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать, и мог терпеть и крепиться. Но впереди была цель, которую следовало достигнуть, и он шел к ней, преодолевая трудности. Сейчас же цели не было. Можно было бы назвать ею желание снова увидеть Вику и Ваньку, но стоящие между ними семнадцать лет и восемь месяцев превращали эту встречу в утопию, а цель в миф.

И снова вставал в голове вопрос – а будет ли он нужен им через семнадцать лет и восемь месяцев? И сам себе отвечал, что ответа не имеет. Однако сама форма риторического вопроса давала повод однозначно ответить – даже если и дождутся его Вика и Ванька, то уже никогда не будет между ними того чувства, которое могло в них жить, не окажись он здесь.

И не будет времени, чтобы все вернуть и исправить. Не хватит жизни. Останется недосказанность, подозрения, и рука, протягивающая ему стакан воды, будет дрожать не от любви, а от раздражения по поводу того, что он вернулся, чтобы лечь в постель и оказаться в ней совершенно бесполезным.

Семья, встретив больного человека, жизнь в которого вдохнуть уже невозможно, теперь будет желать лишь одного. Чтобы он поскорее ушел, облегчив их страдания, и вернул им прежнюю жизнь. А какова она, прежняя?

Нет, не где они втроем, под Новый год, катались на санках у городской елки. И не та, где Ванька плавал на спине отца по Обскому водохранилищу, а мама, махая с берега рукой, кричала: «Мужчины, немедленно вернитесь, а то накажу!»

Нет, их прежняя жизнь, Вики с сыном, будет та, которой они будут жить эти семнадцать лет и восемь месяцев. В нужде, экономя и изыскивая средства для покупки летом шапки для Вани, а зимой – туфель для Вики. Вот это и будет их прежняя жизнь. Возможно, судьба внесет кое-какие коррективы в эту константу, и появится некто, который будет содержать их, требуя в ответ лишь любовь и понимание. Скорее всего он окажется приличным и порядочным человеком. Зная Вику, Андрей мог безошибочно предположить, что с подлецом Вика свою судьбу не соединит никогда.

Раз так, то, может быть, оно и к лучшему. Значит, Ванька не будет нуждаться. Возможно, даже забудет об отце. Пять лет – что это такое? Дети легко все забывают и так же легко привыкают к новому. Если это новое, конечно, хорошо и приятно.

Придя в себя, Летун почувствовал, что его зубы ноют, а уголок подушки, набитой ватой, трещит.

– Ты чего, Андрюха? – спросил из темноты Зебра.

Разжав зубы, Литуновский секунду помедлил, давая возможность горлу расслабиться, и только потом выдавил:

– Сон дурной.

– А... – отозвался Саня. – Значит, не обжился еще. У меня поначалу тоже беда была...

Сны как дичь.

Еще секунда, и среди десятков перехрапов и перестонов Андрей слышит сап Зебры.

Зэк на «даче» усталый, но бдительный. Малейший звук для него – повод его обсудить.

Сны как дичь. Нет. Это явь как дичь. И, самое главное, за что все это?

Жизнь уже не начать сначала, второй не будет, а та, что дана, перечеркнута и растоптана. У него отобрали свободу. У него отобрали жену, сына. Теперь хотят отобрать остаток жизни.

Перевернувшись на спину, Андрей посмотрел в темный потолок и снова вспомнил, как молча сидела на стуле жена, когда после объявления приговора его выводили из зала суда.

Он хотел крикнуть ей – «Все встанет на свои места!», но вместо этого смотрел на нее глупым взглядом и не мог выдать из себя ни слова. Что он мог сказать ей? Что могло встать на свои места потом, если не встало до сих пор? А чем было ободрить Вику еще? «Все будет хорошо»? «Не волнуйся»? Понимая, насколько идиотично будет выглядеть в этом случае, как низко и как малодушно, он лишь не сводил с жены взгляд. А та сидела, помертвевшая, с восковой маской на лице, прижимая к губам руку. Эти белые пальцы до сих пор стоят перед глазами Андрея. До сих пор.

За четыре месяца он не получил из дома ни одного письма. За три месяца следствия получил четырнадцать. Каждый вечер, после работы, он привставал с нар, чтобы встретить вернувшегося из административного здания Зебру. Услышав клички счастливчиков, получивших заветные конверты, он обреченно опускался на топчан и мучил себя одним и тем же вопросом: «Почему?»

Почему она не пишет? Почему не дает шанса привыкнуть к необходимости разрыва? Остальные, кого забывают, получают известия сначала часто, потом реже, а потом не получают вовсе. Но к этому сроку притупляется боль, прививаются инстинкты самосохранения в зоне, вырабатывается иммунитет изгоя. Почему она не дает ему возможности испытать то же? Он должен превращаться в скотину постепенно, как остальные, почему она убивает его сразу, не дав ему этой возможности?

– Андрюха, извини...

– Пустое.

– А я все со старым...

– Я знаю.

Бам. Бам... Бам, бам... Бам-бам-бам-бам...

Стекло чуть дребезжит.

Дождь в тайге тринадцатого апреля.

То ли еще будет...

– Литуновский!

Андрей, услышав голос начальника отряда и свою фамилию, встает с топчана. Лучше это делать побыстрее, иначе недолго нарваться на пару пинков.

– К замполиту.

Это нехорошо. Когда кого-то часто вытаскивают в Белый дом, это начинает вызывать подозрения у соплеменников. Зачем честному фраеру частить к «красным»? Вот так частят, частят, а после устраивается шмон, и в бараке изымаются из привычных мест карточные колоды, спирт и прочее, что хранению в бараке не подлежит. А зачистивший в администрацию зэк внезапно переводится из рабочих в кашевары или писари. Нехороши эти вызовы, Андрей об этом уже знал.

Картина проясняется, когда он, выводимый конвоем, видит у ворот телегу с коробками и мешками, а поверх этого груза – знакомого деда из Кремьянки.

– Понравился ты чем-то старику, Литуновский, – улыбается замполит. – Хочу, говорит, того на разгрузку, что был в прошлом разе. Мы им не отказываем в малостях. Правильно делаем, Литуновский?

– Откуда я знаю, – пробормотал сквозь обветренные губы Андрей и поморщился.

– Здорово, касатик! – приветствовал Летуна дед. – Жив еще?

Единственная радость заключается в том, что можно с открытым сердцем признаться, что да, жив. Еще.

– Пусть малыцы тючки кидают, а ты нако, поешь...

На этот раз дед подготовился основательно. Две пачки «Беломора», сало, заранее порезанное, ломти настоящего, домашнего хлеба и очищенные от скорлупы яйца. И, конечно, литровая бутылка молока, знакомая с прошлого раза.

– Ты ешь, ешь, не сдерживайся.

Андрея заинтересовала лишь бутылка молока. Пробовал протолкнуть внутрь яйцо – получилось с такой болью, что лучше бы и не пробовал. Горло настолько отвыкло от объемной пищи, что, следуя законам анатомии, сузилось и окостенело. А молоко – это просто чудо. Он пил бы его каждый день. Что и делал семь месяцев назад.

– Ты, старик, папиросы убери, – Литуновский отодвинул пачки в сторону. – Здесь дают бесплатные, и пока их хватает. Побереги, пригодятся.

Наверняка дед отрывал подарок от себя. Продукты в Кремьянку, как и на «дачу», небось доставляют вертолетом. Или железной дорогой, если она неподалеку. Словом, не в избытке их в местном сельпо. Литуновский не станет брать папиросы, он знает, что такое обходиться без необходимого. А за молоко готов благодарить старика горячо и старательно. Вот только отвык Андрей это делать. На «даче» никогда ничего не просят, а потому и благодарить нет необходимости.

Литр пахнущего свободой молока ушел внутрь, как в сухую землю. Выпил бы еще, да знает – во-первых, у деда нет, да и потом опасно. Такой порции жира и так предостаточно, чтобы в ближайшие дни чувствовать себя не в своей тарелке.

– Нашел деньги-то? – спросил Андрей, чувствуя, как по его телу пробежала искра жизни.

– Да иде их найдешь? Прошлый раз триста сорок выручил, сейчас, дай бог, сотни три выйдет. – Дед перевел взгляд с одной руки с зажатым в ней кнутом и двумя отставленными в сторону пальцами, и посмотрел на вторую. – Теперь еще не менее тысячи семисот нужно. Прошлый день приехал, глядь, мотор на «Кефали» забарахлил. А без рыбы нам сам знаешь...

– Да, конечно, – нехотя подтвердил Литуновский, словно понимая, что без рыбы им жизни нет.

Вокруг занималась весна. Ее дыхание было тем ближе, чем дальше старик рассуждал о каких-то далеких, непонятных для Андрея проблемах – мотор на лодке забарахлил, сама лодка прохудилась, крышу перекрывать нужно, обувку мальчикам готовить...

Вот она, жизнь. Вместе с ароматом просыпающейся после зимней стужи весны слух Литуновского ласкает легкая брань старика из красноярской глубинки и рассказ о том, что жизнь, вопреки заверениям правительства (старик слышал это по радио), лучше не становится. Однако, как ни поднимался доллар, деду, для того чтобы чувствовать себя абсолютно счастливым, нужно две тысячи триста рублей. Доллар за две недели наверняка поднялся, а старику нужны все те же две триста. Даже меньше. Тысяча семисот рублей, если сейчас продаст товара на триста.

– Очень, значит, нужно? – повторяет, словно сомнамбула, Литуновский.

– Позарез, – подтверждает старик. – Съездил бы в Назарово, мотор отремонтировал...

– Назарово рядом? – Андрей почувствовал, как у него в груди чуть всколыхнулось сердце.

Назарово... Назарово Литуновский знал. Сгущенка знаменитая, привыкнуть к которой, наевшись ею до изнеможения в армии, Андрей не смог за все последующие годы.

– А то, – пожал плечами дед. – Сто километров на северо-запад, и Назарово будет. Там есть ремонтная мастерская, я справлялся. Как думаешь, рублей триста... Ну, пусть триста двадцать, на ремонт бензонасоса хватит?

– Думаю, хватит, – соглашается Литуновский. Вырвав из запрессованной за год сенной подстилки соломинку, он сунул ее в рот и покрутил пальцами. Господи, до чего приятно она пахнет избой и коровой... – Да только где ты их возьмешь, старик?

– Вот это и досадно, паря. Взять, по чести говоря, негде. Тут выбирай – либо бензонасос, либо чуни мальцу старшего. Сейчас самая пора дрова заготовливать, да еще подработка есть... Повалился какой-то модный паря к нам, просит лес заготовливать. Мы с мужиками прикинули – если просьбу выполнить, то по тыще за лето заработать можно.

– В Китай, – думая о чем-то, пробормотал Андрей.

– Не понял, – старик насторожился и придвинулся чуть ближе.

– В Китай, говорю. Лес заготовите, а он его вывезет и в Китай отправит. Пятьсот долларов за кубометр кедр. Считай сам. А ты говоришь – по тыще за лето. Меньше тысячи долларов на каждого и не соглашайтесь. Иначе в дураках останетесь. Да и потом, все равно тебе не хватит...

Старик помолчал, степенно помолчал, как принято у деревенских, принял к сведению и так же важно сменил тему:

– Тяжко, паря?

– Терпимо. Ты когда в следующий раз будешь?

Тот пожал плечами и пробормотал что-то о том, что ему чем чаще, тем лучше, что деньги, мол, на дороге не валяются, и заодно спросил, будет Андрей есть яйца или же их убирать.

Значит, через две недели. За эти дни у сельчан накапливается количество продуктов, которые можно готовить к сдаче. Догадаться об этом нетрудно, вся загвоздка в том, сколько даст за четырнадцать дней молока корова и сколько яиц дадут несушки. Четырнадцать дней...

Он хотел повременить, но вдруг ему снова явилось лицо Вики, и сердце заныло от боли. Воля. Что может быть лучше нее? Возможность прижать к себе сына и впиться губами в губы жены... Как она далека и как заманчива.

Он перестал упрямо повторять, что не убивал, после того, как судья, выслушав его последнее слово, беззвучно прошептала:

– С вами все ясно.

Ее не слышал никто, кроме нее самой и Андрея. И столько злости, столько бессердечия и глупости было в этой процеженной сквозь тонкие бесцветные губы фразе, что Литуновский почувствовал, как у него оборвалось сердце. Теперь приговор можно было и не слушать. Его привезли через два дня ближе к обеду, и он сидел, голодный, без сигарет, в одиночке Центрального районного суда, ожидая, пока судья вернется с обеденного перерыва и приступит к чтению приговора. Его ввели в зал, и он, уже готовый ко всему физически, но совершенно не подготовленный морально, стоял, вцепившись пальцами в ограждения клетки, и слушал, слушал, слушал...

И даже сначала не понял, что такое «восемнадцать лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима». Жизненный опыт и образование понять помогали, а вот разум верить отказывался.

И когда его повели к выходу в наручниках, он смотрел на Вику, и его слова ободрения, не в силах сорваться с губ, деревенели и перекашивали рот.

– Старик, тебе очень нужны деньги?

– А то.

– Сколько километров отсюда до сторожки, в которой живут во время белкования твои сыновья?

Непонимающий старик свалил с затылка кепку и почесал затылок.

– Километров тридцать. – Он надул губы – это помогало ему думать.

– А в каком направлении? – Сердце Андрея билось с перебоями, как при инсульте.

– Север без моей помощи сможешь определить? – Старик стал что-то соображать.

– Без проблем.

– А в ночи?

– Нет солнца, есть луна. Нет луны, есть деревья. Без проблем.

– Так вот, отсюда на северо-запад пятнадцать километров. Дойдешь до болота и справа от него увидишь избу малую. Раньше мы ее под зимник подбили, а сейчас нет нужды туды зимой мотаться.

– Старик... – От волнения Андрей стал чуть заикаться. Реальное чувство свободы перехлестывало его и гнало наметом к цели.

– Ну, скоро там? – раздалось из ледника.

– Чуток осталось! – взвизгнул фальцетом дед и снова наклонился к Литуновскому.

– Я дам тебе две тысячи пятьсот рублей, старик. А через месяц после этого дам еще сто тысяч.

– Сколь??

– Сто тысяч рублей, – повторил Литуновский. – А две с половиной, чтобы ты знал, что не обману, дам здесь, сразу. Но через день после того, как ты в следующий раз отсюда уедешь, в сторожку положишь одежды, желательной попрличней, моего размера, и продуктов на два дня.

– Ой, лихо... – взмолился дед.

– Знаю, что лихо, – рассердился Андрей. – Потому что я никого не убивал, старик. Я не убивал тех троих, за смерть которых мне врезали восемнадцать лет. А я не смогу здесь жить, старик. Я умру сам через год. Я не могу жить в неволе, дед, я человек такой... Я к сыну хочу, старый... У меня Ванька без меня другим будет...

– Тихо, тихо, тихо... – прошепелявил сельчанин и осторожно похлопал кнутом по сапогу разволновавшегося Литуновского. – Не егози, паря. Сторишь зазря раньше времени.

– Ну-ка, давайте, завязывайте там, с разгрузкой! – пробасил выглянувший из ледника замполит, недовольный тем, что работы идут не по обыкновению медленно. – Литуновский, ты долго еще на телеге валяться собираешься?

Андрей встал и нетвердой рукой стал подавать оставшиеся коробки ускорившим разгрузку экам.

– Значица, так, паря, – шептал старик. – Сегодня какое у нас? Тринадцатое. В следующий раз я приеду, получается, в конце апреля. Грех на душу беру, не знаю, простится ли, но больно уж жалко на тебя смотреть. Сын, говоришь? Сколько пацану?

– Пять, – сглотнув комок, не веря собственному счастью, глухо выдавил Литуновский.

– Ай, беда... Пацана жаль, и тебя, паря, жаль. Точно не убивал?

– Крест целую, батя...

– Значица, так тому и быть, – старик прихлопнул себя по голенищу войлочного серого сапога и качнул головой. Ты только уж не выдавай меня, если что, паря... Знаешь, всякое случается, а мне на старости лет...

– Батя, богом клянусь... – У Андрея прихватило горло, едва он представил, как выдает старика администрации.

– Да слазь ты с телеги, Литуновский, черт тебя подери! – рывкнул замполит и махнул рукой конвою – «гоните этих троих обратно».

– Как приеду, все расскажу тебе, – пробормотал напоследок старик и вдруг приосанился и взмахнул кнутом. – А ну, слазь, тать!..

«Я хочу домой».

«Хочут все, не все доезжают. С., 1969 г.».

Следуя к барaku под конвоем, Андрей не чувствовал ничего, кроме запаха наступившей весны и того неоправданно радостного, что она приносит с собой.

Через час ээки, глотая с алюминиевых ложек капусту и запивая ее жидким чаем, сквозь приоткрытые окна похожей на барак столовой ловили ноздрями запах яиц, жарящихся в карательном помещении, и аромат куриного бульона, доносящийся из жилой части Белого дома.

– Я, когда приду, попрошу жену сварить борщ со свиной, – сказал Ворон и прополоскал рот остатками чая.

Ээки чуть отвлеклись, но, услышав, что и когда собирается делать Ворон, снова вяло заскребли ложками по днищам котелков.

Сидеть Ворону оставалось еще девять лет.

Глава 4

Весна под Красноярском вошла в свои права решительно и на этот раз окончательно. Ее вестниками стали первые комары, еще маленькие, только что появившиеся на свет, и оттого голодные и злые. Они продирались сквозь одежды зэков, пробивались под сетки накомарников, которые выдавались далеко не всем, и пили кровь, зная, что теперь их власть, а значит, сила.

Шапки сменились на кепи, ватные штаны и куртки вновь залегли на дно каптерки завхоза, и люди, выбираясь на свежий воздух из душного барака, вдыхали аромат тайги полной грудью. Зима сменилась весной, это значит, что срок уменьшился, что еще полгода не будет страха за то, что вдруг подломит простуда, обострится до пневмонии, а в лазарете, как обычно, ни парацетамола, ни димедрола. Неужели «дача» настолько проклята, что даже местный лекарь не получает с Большой земли самые необходимые таблетки? В конце марта заболел Чича. Заболел жестоко, горлом шла кровь, и он уже с трудом добирался до деревянного туалета, чтобы выпотрошить свои исхудалые внутренности от очередного приступа поноса. Дизентерия – поставил диагноз лепила, на том и сошлись. Чича еще неделю провалялся в жару, а когда его состояние уже не попадало под понятие обратного процесса, обещающего выздоровление, капитан медицинской службы вызвал из «семерки» вертолет. Вертолет прилетел и увез Чичу. И это был единственный за всю историю «дачи» случай, когда ее бывшего жильца похоронили не в тайге. Уникальный случай, примечательный. Даже тело родственникам выдали. Денег у матушки не оказалось, и закапывать Чичу пришлось под Красноярском. Теперь, чтобы его навестить, его матушке придется добираться через всю страну. Однако и на том спасибо доктору. Помер бы в шестом бараке – не пришлось бы видаться вовсе.

А кедровые продолжали трещать, хрипеть и падать, падать, падать...

Из восьмидесяти семи килограммов живого веса, что принес с собой в зону Литуновский, у него оставалось шестьдесят восемь. По меркам шестого барака он был упитан, и многие дивились тому факту, что человек еще ни разу не переболел, не считая насморка и температуры. Лепила два раза давал ему парацетамол, словно от души отрывая, и Летун на следующий день снова взял в руки «Тайгу».

Через три дня после отъезда старика, семнадцатого апреля, Андрей стал понимать, что теперь все зависит от того, насколько быстро и правильно он сможет одолжить денег. Найти на «даче» две с половиной тысячи рублей – это все равно, что на воле попросить займы десять тысяч долларов у первого встречного. Счет тут идет не на тысячи и даже не на сотни. Пачка «Примы» – четыре рубля, чая – двенадцать. Приблизительно половина того, что зарабатывает за день осужденный. Наличных денег в зоне нет, а хочешь чая или табака – направляйся к бугру. Бригадир напишет докладную записку, и писарь из осужденных, следящий за бухгалтерией, закроет твою зарплату и выдаст талон. С этим талоном следует направляться к завхозу, и он, надев очки и послунив пальцы, приобщит ее к делу о материальных выдачах заключенного. Получив пачку чая и сигарет, можно не заботиться о дне завтрашнем. Это значит есть что курить, значит, не придется клянчить у напарника и других, значит, формально независим. А цифирь в конце дня – это то, что заменяет зэку на «даче» телевизор, шейпинг, тренажерный зал и библиотеку.

Можно достать бутылку водки или спирта, но можно не всем, и даже далеко не всем. Бедовый может. Поллитровка самогонки из Кремянки стоит двести рублей, сто граммов спирта – сто пятьдесят.

– Послушай, Саня, – обратился Литуновский к Зебре во время обеда. – Если бы я хотел достать денег, куда бы мне следовало обратиться?

– Это смотря сколько денег, – резонно заметил, пряча хлеб в карман, тот. – Сколько тебе нужно? Десять? Двадцать? У тебя же есть хоршее мыло, зачем тебе деньги?

– Я просто так, предполагаю. Вдруг понадобилось мне три тысячи рублей. Где я могу их здесь найти?

Зебра некоторое время непонимающим взглядом смотрел на Андрея, потом, блеснув золотыми коронками в широком рту, рассмеялся. Вполголоса рассмеялся, как бы конвой не подумал, что сил много.

– Ты с ума сошел? Три тысячи... Вон, у Хозяина займи, он по средам добрый.

– В смысле – у Хозяина? – не понял Литуновский.

– Когда Чичу улетаели, им на «вертушке» зарплату привезли, – понимая, что шутка окончена и она все равно не будет оценена по-должному, Зебра насутился. – Летун, ты здесь уже три с лишним месяца. Но ты никак не можешь вдолбить себе в голову, что здесь иные правила. Здесь невозможно что-то занять. Тем более три тонны. За карточный долг в пять рублей тебя могут опустить под нары, поэтому на интерес здесь шпилят лишь те, у кого на счету есть соответствующие суммы. С воли на строгач переводы слать заказано, поэтому сам подумай – сможешь ты найти три тысячи или нет. Кстати, а зачем тебе понадобилось три штуки?

– Я же сказал, – глухим голосом проговорил Андрей. – Просто предполагаю. Ты смеешься, что я ничего не понимаю в местных обычаях. Как же я смогу их понять, ничем не интересуясь? Станный ты человек, Саня...

Обоснование было настолько резонным, что Зебра преобразился и вновь принял свой обычный вид: чуть задумчивый взгляд, размеренные движения, легкий оттенок деловитости.

– Ну, базара нет, ты прав. Поэтому, если предполагать, то такие деньги могут быть только у «красных». – Подумав, добавил уже тихо, стрельнув взглядом по сторонам: – У Бедового могут быть, его «греет» братва капитально. Но, опять же, если у него занять такую сумму, зная, что возврат невозможен, это заранее стать фуфлыжником.

Кто такие «фуфлыжники», Литуновскому объяснять нужды не было. Проигравший в карты, занявший сумму и не отдавший долг даже с помощью родных на воле, человек мгновенно превращался в изгоя, понукать которым по нужде и без нужды отныне мог любой с разрешения кредитора. «Опускать» по тем правилам, что царили на отморозенных зонах, в шестом бараке было не принято, но и без этого каторжная жизнь должника превращалась в ад. Впрочем, чтобы получить статус отщепенца, брать в долг или проигрывать в карты было необязательно. Достаточно было установленного факта частых визитов зэка к «куму» – оперу, Хозяину или замполиту. О чем говорит зэк с этими людьми по собственной инициативе, не так важно. Главное, что по собственной, потому как порядочному зэку ходить к «ментам» запаadlo даже по принуждению.

Значит, Бедовый...

Когда до обещанного прибытия старика оставалось два дня, Литуновский улучил момент и приблизился на делянке к смотрящему. Решиться на подобный разговор стоило Андрею немалых усилий, однако учащенное биение сердца всякий раз сметало на его пути преграды, едва он задумывался о неблагоприятных последствиях этой просьбы. От Вики не было писем, а это значило, что от него открестились. В конце концов, думалось ему, шесть месяцев разлуки – не срок. Всего один поход атомной субмарины. Живут же люди. Любят друг друга и ждут. Успокаивала мысль о том, что, слава богу, родители не дожили до такого его позора. Старики в этом возрасте впечатлительны, им уже трудно что-то объяснить. Так что лучше, что померли до этого...

Колода, телохранитель, нужды в котором у Бедового не было и держал которого Толян скорее от куража, нежели по необходимости, отреагировал на появление зэка вблизи смотрящего, и тут же подсел к пню, за которым расположился Бедовый.

– С тобой один на один можно поговорить? – поинтересовался Летун.

– Я проверю его, – ответил за Бедового Колода и стал предпринимать попытки обнаружить под робой Литуновского что-то, что могло оказаться похожим на оружие.

– Оставь, – недовольно поморщился Толян, понимая, что для убийства Летун мог подгадать и более удобный случай, нежели «мокруха» на глазах конвоя и зэков. – Отойди, покури пока. О чем разговор будет?

За три месяца Андрей, присматривающийся к каждому событию на «даче», уяснил для себя одну важную деталь. Со смотрящим, во всяком случае, с Бедовым никогда не нужно начинать разговор с пятки, если главная тема – голова. Толян соображал не так быстро, как многим хотелось бы, однако всегда делал правильные выводы, а потому манеры зэков заводить рака за камень и потом выводить его оттуда в виде гуся ему крайне не импонировали. Он чем-то напоминал занятого начальника, к которому посетитель пришел с просьбой расширить жилье, а начал просьбу с вопросов о здоровье.

– Мне нужны деньги.

– Вот как, – заключил Толян и посмотрел на кроны деревьев. – Ты помнишь, Летун, наш последний разговор? Я тоже начал с тобой развивать тему, которая была мне интересна, но кроме глупых отмазок в ответ я ничего не услышал. Потом я сказал, что продолжим разговор позже, но ты почему-то понял эти слова каким-то странным образом. Наверное, ты ждешь, когда я снова пошлю за тобой человека, но так не бывает, Летун, так не бывает. Второй раз к разговору я никого не приглашаю. Ты не идешь сам – твое дело. Значит, проблема у тебя есть, и влезть в нее мне, поверь, не хочется. Каждый человек, даже здесь, имеет право на свою тайну. Жаль, что этого не понимают менты, однако я понимаю четко. Ты отказал мне в общении, то есть – в уважении, а сейчас приходишь и говоришь – мне нужны деньги.

Андрей вынул из пачки сигарету и медленно раскурил.

– Разве я сказал тебе тогда, Бедовый, что не разговариваю с тобой по причине неуважения?

Толян не стал морщиться, как Зебра, но внимательно посмотрел на собеседника и тихо заговорил.

– Мне не нужно много уважения, Летун. Мне хочется постоянного общения и малой толики внимания. А вместо этого ты приходишь и просишь деньги.

– Я их еще не просил.

– Какая разница? – равнодушно заметил Бедовый. – Через минуту попросишь.

Сказать, что он имел впечатляющую внешность, какую постоянно рисуют в образах авторитетов кинорежиссеры, было нельзя. Смотрящий за шестым баракком был того же роста, что и Андрей, вес его был тот же и возраст, пожалуй, тоже. Не было наколок, подтверждающих его статус, во взгляде отсутствовало презрение. И сейчас, после его коротких фраз, из которых он составлял свой разговор с Литуновским, последнему стала ясна еще одна истина. Бедовый настолько авторитетен, что не имеет нужды подчеркивать это дополнительным куражом. Андрею на воле немало пришлось пообщаться с ему подобными, но ни в одном он не видел столько уверенности, спокойствия и расположенности. Хвойный воздух и свежий ветер выветривают, по всей видимости, все лишнее, оставляют главное и заставляют человека с этим жить. И сейчас нужно было признать, что доводы лагерного авторитета, больше похожие на академическое мнение, были вески и убедительны. Настолько убедительны, что Андрей на секунду растерялся.

Трудно говорить с человеком, когда вокруг поют птицы, лес дышит свободой – ему безразлично, что опутан колючей проволокой, сердце бьется от понимания возможности покинуть эти места и боязни за то, что этого может не случиться лишь по причине того, что у сидящего напротив человека окажется неподходящее настроение.

– У человека есть тайны, ты прав, – давя в горле комок, произнес Литуновский. – Однако отказывать в просьбе, потому что я не слишком общителен, неправильно.

– Ты хочешь рассказать мне о том, что правильно, а что нет? – удивился Бедовый. – Кстати, я ничего не понял из того, что ты сказал. Тем не менее кажется, что ты прав. Зачем тебе деньги? Ты проигрался?

– Я не играю в карты.

– Проспорил?

– Я тут ни с кем не спору.

– Это ты правильно делаешь, – похвалил Толян. – Тогда объясни мне, Летун, на что хочет потратить две с половиной тысячи рублей человек, носящий на груди бирку с номером отряда смертников? Я не вижу поблизости ни магазина, ни бара, ни, на худой конец, ни одной проститутки. По этой причине, услышав просьбу, я потерялся в догадках.

– Толян, – тихо позвал Колода. – В строй кличут.

Так-так-так-так...

Фьюиить!..

«Я отсюда никогда не выйду. Цыца, 1960 г.».

– Я дам тебе две с половиной.

У Литуновского оборвалось сердце.

– И не спрошу, зачем они тебе.

Перед глазами Андрея вновь замаячило фото, где Вика с сыном. Он согласился бы и на то, если бы ему сейчас прибавили к жизни семнадцать с половиной лет и он оказался рядом с семьей в возрасте пятидесяти восьми лет. И даже не расстраивала перспектива оказаться бессильным в постели и выглядеть дедушкой рядом с прекрасной молодой женой.

– Но запомни. Если ты хотя бы во сне произнесешь мое имя, семнадцати лет тебе не сидеть. Ты не просидишь и месяца. Недели не просидишь. Я не знаю, как ты собираешься это делать, но через месяц после этого разговора тебя найдет человек от меня, и ты выдашь ему пятьдесят тонн баксов. Мне кажется, это справедливо, Летун. И запомни самое главное. Опасайся соблазнов.

– Что это значит? – Понимая, что дело сделано, Литуновский стал принимать свой обычный, чуть напряженный вид.

– Ты о пятидесяти тоннах или соблазнах?

– О соблазнах.

Бедовый встал и медленно пошел в сторону построения, где уже всюду бушевал конвой. Овчарки вымаливали разрешения хозяев порвать это стадо отщепенцев, пара эзков уже потирала ушибленные затылки. При столкновении металлического приклада с головой страдает обычно голова.

– Наверное, ты хороший парень, Летун, – бормотал, наслаждаясь дуновением ветерка, Толян. – Но совершенно непригодный для зоны человек. Прежде чем мертвить троих фраеров в Старосибирске, нужно было подумать, чем это может обернуться. Когда я увидел тебя в первый раз, там, в бараке... Ты помнишь этот вечер?

Уловив утвердительный жест, Бедовый успокоился.

– Когда я тебя увидел впервые... Осторожно, придержи ветку, иначе Колода опять недо считается зубов. Так вот, в глазах у тебя, Летун, тоска. Тоска, перемешанная с желанием побыстрее либо умереть, либо свалить. Ты когда-нибудь видел взгляд рыси в зоопарке? Она изо всех сил делает вид, что ей безразлично все и вся, а в глазенках такое желание порвать сетку и убежать... Такое, что я, Летун, когда бываю в зоопарке, никогда не подхожу к ее клетке. От греха подальше. Так же выглядишь и ты. Ты попал в чужую среду, как в воду. Она тебя уже начала губить, и, предпринимая все усилия, чтобы вернуться на сушу, ты готов на все. И в этот момент очень легко совершить глупость. Поэтому я тебя и предупреждаю, Летун. Бойся соблазнов. Здесь не бывает ничего просто так, в противном случае все давно бы уже перебили конвой и ушли по домам. Ворон, вон, о борще мечтает. Если повезет, то поест. Когда отсидит

за убийство прохожего и его четырнадцатилетнего сына. Но Ворону наплевать, у него третья ходка, и все – через красноярские лагеря. Если он не загнулся сразу и до сих пор сохранил в глазах блеск и радость сегодняшней жизни, то ему и этот девятёрник боком не выйдет. Он опять вернется сюда, потому что здесь его дом. А у тебя дом за тысячи километров отсюда. Ты не жилец в клетке. И еще у тебя есть какая-то тайна. А потому...

Андрей с пилой встал в конец строя, Бедовый – за его спину.

– А потому, Летун, я уже давно понял – если тебя отсюда побыстрее не выкинуть, то у меня начнутся неприятности. Я это чувствую шкурой, а шкура меня еще ни разу не подводила. Такие дела.

У самого барака, после проверки личного состава и шмона вещей Бедовый в последний раз приблизился к Литуновскому.

– Ты не забыл?

– О соблазнах? – автоматически спросил Андрей.

– Нет.

– О пятидесяти тоннах?

Бедовый поморщился и покачал головой.

– Тогда о чем?

– О том, что и месяца не проживешь?

– Конечно, понял.

– Тогда сегодня вечером подойдешь ко мне.

А до вечера произошло много событий. Овчарка сержанта Круглова порвала ногу Бесу, да порвала так, что лекарю пришлось на скорую и неумелую руку сшивать сухожилие и в панике вызывать вертолет. Бес орал, как под ножом, обезболивающего, как обычно, не нашлось, и лейтенанту пришлось раскупоривать свою заначку в виде бутылки «Белого аиста», чтобы заглушить эти крики. После стакана Бес успокоился, но через двадцать минут начал сначала. Лейтенант дал еще, и Бес снова затих. Сто последних граммов Бес выпросил уже почти перед самым отбоем и, опьянев таким счастливым и неожиданным образом, уснул.

Язва, что еще до поры терпела в заношенном теле Цыцы, наконец-то прорвалась, и тот свалился прямо в строю, перед раздачей пищи. Лейтенант, занимаясь челночным бегом между Бесом и Цыцой, клял местные порядки, отсутствие медикаментов (точнее, их недостаточность для эков, потому что для персонала хватало всегда и всего, даже спирта) и строгий режим в целом.

Обоих мучеников определили в лазарет, потому как усмотреть в разорванном ахиллесовом сухожилии первого и бессознательном состоянии второго «закос» было практически невозможно. Теоретически – да, можно. Практически, когда зайдешь в палату и разглядишь море крови и по паре капельниц у двух кроватей – нет.

«Самый свирепый конвой – под Костромой. Конец 1976 г.».

«А ты здесь недавно, правда, Конец?»

Глава 5

Вечер – самое благодатное время суток на «даче». Конвой не так ретив, срабатывают биологические часы даже у отдохнувшей смены, природа оседает, ароматы тайги становятся насыщенными, улегаются страсти в лесу и среди людей. Если бы не постоянное чувство голода и усталости, можно было бы подумать, что дяденек, кому от двадцати пяти и больше, силой согнали и заставили участвовать в пионерском слете. Но каждый пионерский отряд при этом прислал из своих рядов самого отъявленного плохиша.

Ай, забавы, ближе к ночи...

Шнырю Бабаке Сеня Гончаров привязал к пальцу нитку, а к нитке сапог кирзовый. Да так и метнул обувку, чтобы та ему как раз поперек груди пришлась. Бабака испуганно просыпается, понимает, что это не замполит с палкой пришел, а равный по чину хамит, хватает сапог и изо всех сил бросает его в голову Булю. Палец хрустит, Бабака орет, вокруг смех, похожий на сдавленное ржанье. Сильно хохотать нельзя, замполит даст команду, конвой рассвирепеет, и тогда всю ночь стоять в одних трусах под гнусом.

Литуновский лежал, ждал установленного Бедовым часа и вспоминал берег Оби, где они с Викой и Ванькой жарили шашлыки и предавались мечтам...

– У нас будет когда-нибудь квартира, Литуновский? – спрашивала Вика, и ее хмельные от любви глаза играли огоньками костра.

– Будет, – говорил Андрей, понимая, что опять включается в игру, которая продолжалась вот уже без малого шесть лет.

– А ты купишь мне брата? – страшно картавя, врезался в разговор Ивашка.

– Сестру, – обещает Литуновский. – Маме одна в магазине приглянулась.

– А что такое приглянулась? – спрашивает Ванька.

– Это значит – понравилась, – объясняет Вика...

Андрей подкинулся на нарах и осторожно посмотрел вокруг. Бедовый вяло теребит одеяло, пытаясь выдернуть его края из-под матраса. Игра окончена, чифир выпит, веки смыкает усталость. В кругу игроков – пять человек. Авторитетные люди, ходоки по своей воле, не такие знатные, как Бедовый, но все равно с ними в карты играя, масть не потеряешь.

Осторожно двигаясь между ярусами кровати, Литуновский приблизился к Толяну и равнодушно сцепил руки на груди. Нельзя здесь без достоинства, никак нельзя. Главное, не опуститься. Бриться каждый день, ноги мыть, в чистоте себя содержать и зубы чистить. Зэк, уважающий себя, даже на работу не выйдет в грязной обуви. Ерунда, что она у них всегда чистая, потому что шныри стараются. Настоящий зэк о себе позаботится и без крутой масти. Главное – уважение к самому себе. И если уж подошел, а садиться на кровать смотрящего личные понятия и зоновские правила не позволяют, то хотя бы стой по-человечески. Не навтыяжку, не в плебейском прогибе, а прямо и уверенно, потому что, не дай бог, не по-твоему выйдет, достойней уйти прямому, чем согбенному.

В углу, в самом сыром отсеке барака, Луп доказывал Веретену, что помилования не следует ожидать тому, кто уже в четвертый раз, будучи признанным особо опасным рецидивистом, судим за разбой. Веретено приводил пример, когда помиловали даже убийцу.

– Дурак, – громил Луп. – На суде выяснилось, что убивал не он. И это не помилование, а оправдательный приговор.

Веретено говорил, что разницы не видит.

– Садись, – сказал Бедовый, кивнув на нары напротив.

Андрей присел на край и стал растирать ладонью лоб. За последние два часа в голове накопилось столько предубеждений и мнительности, что он уже не знал наверняка, стоит ли

доверяться смотрящему даже в такой части. Тактика взаимоотношений между авторитетом и Хозяином Литуновскому была понятна предельно ясно. Можно догадаться о том, что побегов и склок на зоне не хочет ни тот, ни другой. Кто такой Летун для Бедового? Обычный зэк, мнение о котором этим днем он уже высказал. А разговор о пятидесяти тысячах долларов – это не более чем блесна. Кто в такой ситуации скажет «нет»? Любой скажет – «да, конечно, ерунда какая – пятьдесят тонн „зеленых“».

Хозяин наверняка дает смотрящему некие послабления. Некоторые, это те, которые визуально ощутимы. Но, поскольку в тумбочке Толяна не переводится водка, хорошие сигареты и яства, о присутствии которых на «даче» любой зэк может лишь мечтать, следует подумать еще и о незримых послаблениях. Естественно, за это нужно платить, а заплатить Хозяину Бедовый может лишь покорностью зоны.

И тут – нате, «рывок». Получается, Бедовый не столь уж авторитетен, если после инструктажа вверенного личного состава ему плюют в лицо и перелазят через ограждение «запретки». Так стоит ли идти до конца в отношениях с Толяном? Даст денег, а потом, через километр, Литуновского встретит в лесу конвой и искалечит на полных основаниях. Ну, сопротивление, нападение на сотрудников администрации, нож приклеят к делу... Ой, как нехорошо.

– Куда ты собираешься направиться?

«Дам отбой, – подумал Андрей, – не к добру все это. Отскочу, дальше будет видно».

И тут ему на плечи бросилась Вика...

– В Назарово.

«Не верь, не бойся, не проси», – гласила самая крупная надпись на барачном потолке, ставшая уже лозунгом движения осужденных всея Руси.

Только что Литуновский нарушил все три постулата. Он поверил Бедовому, попросил его о помощи и при этом боялся совершить самую крупную ошибку в своей жизни.

«Я схожу с ума без тебя», – сказала Вика и оплела шею Литуновского нежными руками...

Он мог бы стерпеть и это, потерять еще полгода времени на подготовку более верного способа ухода с «дачи», но тут его дернул за штанину сын...

– Не вздумай этого делать, – едва слышно проговорил Бедовый и тут же повернул голову на рев из угла: «А я говорю тебе, мордохай, что милует президент, а оправдывает судья!» – Звук выключили!..

В углу раздалось – чмак! – обозначилось место стыковки кулака с челюстью, и звук действительно исчез. То ли Веретено, то ли Ляп закончили беседу способом применения физических унижений оппоненту.

– Выбрось из головы. – Это обращалось уже к Литуновскому, вполголоса. – В Назарове шнырей администраторских на подсосе – у каждой кассы и любого пути немерено. Дойдешь до первых домов, обходи город лесом и двигайся вдоль путей слева. Там есть ручей, рядом с ним и иди. И не видно, и вода есть, чтобы голод забить. Пройдешь два полустанка, ручей уйдет влево. Следуй за ним и выходи на автотрассу, она в пяти километрах к западу от течения. Водил не трожь, они почти все при понятиях, знают, что за лагеря здесь, все через них прошли. Помогут, дадут вещей. Деньги пригодятся потом, когда доберешься до Западной Сибири. Две с половиной... Ты не прав, это мало. А потому... – Он осторожно наклонился к тумбочке, вынул оттуда десяток пятисотрублевых, едва уловимым жестом каталы переломил их через пальцы и опустил в карман Литуновского. – Если повезет – не забудь о том, что тебе говорил человек, который их дал тебе. Ни слова не забудь, Летун. Но самое главное – ты слышишь? – самое главное – ни при каких обстоятельствах не вступай в разговоры с местными. Если увидишь кого, лучше крюк дай и время потеряй. Не приближайся к ним и ничего у них не спрашивай. Ты понял?

И Андрей понял. Бедовый решил, что деньги Литуновскому нужны для покупки билета, и потому сам направил его по верному пути. Но в зоне не бывает верных путей, и, несмотря

на очевидные откровения, Литуновский не стал верить Толян до конца. Если что, пусть ждут его у ручья. В это время он будет двигаться к встречающим под углом в девяносто градусов.

– Я так и поступлю, – сказал Летун Бедовому, за что получил поощрительный кивок головы.

Разговаривать более было не о чем, и Андрей, ощущая в кармане и душе благодать, вернулся на нары.

– Бедовый мозги промывал? – полусонным голосом прошептал Зебра.

– Что-то вроде этого.

Настоящая любовь пришла к Андрею слишком поздно. Были у него женщины, были связи, их было даже больше, чем у среднестатистического мужика. Крепкий телом, красивый лицом и манерами Литуновский всегда был востребован, и его уход доставлял очередной девушке значительные нравственные переживания. Почти такие же, о каких пишут оскорбленные исконники в своих заявлениях в суд о защите чести и достоинства. До судов, слава богу, дело не доходило. Через неделю Андрей убеждался, что та симпатичная, которую он избрал для общения, для непосредственно общения не подходит по причине своей ментальности. Деньги, машина, квартира... Словом, в Андрее ее требовательно интересовало все, чего в нем не было раньше и не обнаруживалось до самых последних дней свободы. И он уходил. Разговоров по-американски, с выяснением всех отношений и решением остаться друзьями он не понимал. Просто уходил, когда обоим становилось понятно, что масло с водой, как они ни старались, не совместили.

Другая была поплотнее фигурой, но мудрее опытом. Но ежедневные разговоры о грабительском характере проводимых в стране реформ были не для него. И он снова уходил, прекрасно понимая, что в этом случае можно даже не прощаться. Она, мудрая женщина, поймет все и без слов.

Он не метался, не выбирал, а просто жил. Случалось – получалось. Не получалось – разбегались. Как бы то ни было, инициатором интереса к себе всегда был он сам. И это доставляло многим знающим его красоткам обиду и раздражение. А пять лет назад в его жизни произошло событие, дать определение которому он не мог до сих пор. В комнату его жизни без спросу, пинком растворив дверь, вошла женщина, попросила чаю и легла на его диван. Наутро она уже переставляла мебель, но Литуновского, к его великому изумлению, это не бесило, а восхищало. Вика пришла незаметно, как во время последних февральских метелей сквозь облака вдруг пробивается мягкий лучик солнца, и этот лучик, расширяясь с каждой секундой, начинает растапливать окружающий его снег и заставляет расцветать цветы. Она пришла и осталась. Самая красивая, самая нежная, самая умная и понимающая.

Когда ему случилось тридцать шесть, и произошло это чудо, Литуновский впервые за все эти годы ощутил любовь. Его любила близкая женщина и не скрывала это ни дома, ни при посторонних. Наверное, именно поэтому полюбил и он. Прочь юношескую пылкую любовь, долой зрелые увлечения. К человеку в тридцать шесть пришла вместе с женщиной любовь, и это было впервые, когда ему не хотелось уйти.

А через год родился Ванька. И они трое были самыми счастливыми людьми на свете. До самого последнего дня, когда в руках Андрея оказался тот проклятый пистолет...

Летун осторожно, чтобы не скрипнули доски нар, наклонился и чуть приподнял оторванную с вечера доску полового настила. Уложил в гнездо свернутые вчетверо купюры и так же тихо доску опустил. Ни у одного конвоира, затей «красные» сейчас полный шмон, не возникнет мысль о тайнике под этой прогнившей доской.

И сейчас он, положив на нары свое исхудавшее, но все еще готовое к борьбе тело, прикрыл веки. Дождаться утра...

Вечером приедет старик, и он отдаст ему две с половиной тысячи рублей. О подарке Бедового – еще двух с половиной тысячах, Литуновский даже не мечтал, а сейчас мечтать было уже поздно. Они были.

Но вечером следующего дня его душа оборвалась и рухнула, сбивая, как шишки с кедров, еще не окрепшие надежды. Старик не приехал.

– Распутица, – зевая, пояснил покуривающий на улице замполит Кудашев. Звезды на его погонах тускло блеснули и спрятались, как хамелеоны, за зелеными погонами. – Теперь через месяц, не раньше.

Речь, понятно, шла о старике на подводе, о котором здесь в административном корпусе вспоминали каждые две недели. А двое эсков из шестого барака расстроились. Они были теми двумя, кто должен был разгружать продукты, то есть есть. Третьим, понятно, будет Литуновский. Но этот придурок, в чем эски уже дважды убедились, сосет молоко из бутылки, вместо того, чтобы пригоршнями жрать предложенный творог, яйца и сало. Очередь была составлена до конца ноября, в ноябре деревенские забивали скот и сдавали излишки натурального хозяйства перекупщикам. С декабря до начала марта сельчан ждать бессмысленно. Ни один нормальный человек не отважится выехать в тайгу на лошади при погодных условиях минус тридцать с метелью.

Не приехал старик и через месяц. Литуновский периодически поглядывал на Бедового и ловил на себе непонимающие взгляды. Деньги получены, уже было несколько возможностей оторваться от бригады и утонуть в тайге, а Летун валил лес, отмахивался от комаров и о чем-то болтал с Зейрой.

Мысли эти читал Андрей с лица смотрящего, как с листа, однако не суетился и боялся лишь того, что Бедовый поймет причину такой задержки. Пройдет еще месяц, и поймет. И тогда неизвестно, что за мысли выплзут из задумчивой головы Толяна и в какую сторону они направятся. В любой момент он может подойти и просто сказать:

– Отдай деньги и не морочь мне больше голову.

Но в первых числах июля, когда из-за жары и неугомонного гнуса конвой стал просто невыносим и жесток, вечером одного из самых своих тяжелых дней на «даче», Андрей, разглядывающий свои расплзшиеся по швам сапоги, услышал:

– Литуновский, чтоб тебя!..

Звали его со двора, куда заключенным выход категорически запрещен. После работы и до ужина они должны были находиться в бараке и, если верить «Распорядку дня», висевшему на периодически обновляемом за ненадобностью «Щите информации», приводить себя в порядок. Но как можно привести себя в порядок в бараке, если в нем нет ни воды, ни места, где себя в этот порядок можно было бы привести?

Сердце его дрогнуло, и он, поощряемый хрипылыми восклицаниями эсков, натянул на затылок кепи и быстро вышел наружу. Лучше все делать быстро, иначе, в случае неудавшегося настроения, ребята с буквами «ВВ» приведут тебя в чувство, не задумываясь.

– Лечь! Встать!.. Лечь! Встать!.. Лечь!..

Вставать нужно так же быстро. Особенно лютуют два бурята, одному из которых какой-то идиот из командования Сибирского округа внутренних войск присвоил звание ефрейтора. Бурят понял это как расширение и без того безграничных прав и теперь заключает пари со вторым бурятом, они, кажется, из одного улуса, на какой по счету раз эск свалится и скажет, что больше не может. Здоровья среднестатистического заключенного позволяет получить такую нагрузку на организм не более чем двадцать раз. И с этими чертями неинтересно. Пятнадцать-двадцать «стоек», и эск признается, что иссяк. Это заканчивается, как правило, тремя-четырьмя пинками по туловищу и обходится без сломанных ребер. Печень и почки не в счет. Кто их здесь проверит, почки и печень, на «даче»? Кедром прибило черта, и всех делов. Буряты тут ни при чем.

Другое дело с этим молчаливым фраером, напарником Зебры. Этого можно загонять до упада, одних «стоек» он делает раз пятьдесят-шестьдесят. Все бы хорошо, но вот... Но вот, сука, издевается же. Уже язык отнимается командовать, а зэчара все падает и встает. От кашля задыхается, руки у него сводит, ноги отнимаются, а встает и падает. Ну не сука ли? Специально, ей-богу. Специально. Показывает, что ему легче заставить бурятов отвязаться, чем лечь и признаться, что плохо. Что голова кружится от постоянного недоедания, ладони саднит, и они ноют... Но не признается, что сил больше нет, не признается. И буряты от этого свирепеют. Каждый раз, когда падает, сапогом в бок бьют, в тот, что правый, где печень, чтобы дыхание сбить, которого уже и без того нет. Могут на руку наступить, тогда встать невозможно, и от подковки стальной вот-вот кость хрустнет.

– Встать, я сказал! Ты не понял, урод?! – И, чтобы понял, в живот.

А второй с руки не уходит, его от смеха распирает.

Но ведь, сука...

Кричат же другие: «Не могу, руку прижал, начальник!»?!

Но ведь он не кричит, животное!..

– Иди сюда, Летун, – сквозь губы-вареники бормочет, щурясь щелками глаз, бурят-эфрейтор. – Лечь. Я пошутил. Телегу видишь?

Литуновский забывает о бурятах. На привычном месте, у ворот «дачи», стоит телега, а на ней – старик из Кремьянки. Увидел Андрея, рукой машет.

– Сожрешь хоть одно яйцо – душу вытрясу, – обещает бурят.

Оно понятно, если сожрет, то буряту на одно меньше придется.

От удара по голове потемнело в глазах, но Литуновскому не до затмений. В центре сиреневого круга, что стоит в глазах от слабости, он видит старика и идет к нему, чтобы снова водрузиться на его телегу. Уже раз двадцать, услышав в бараке свою фамилию, Андрей отрывал доску, быстро забирал из тайника половину денег и прятал их в карман. И раз двадцать, сходя с ума от отчаяния, возвращал их обратно. Даже сейчас, прихватив деньги и видя усталую кремьянскую лошадь, он до конца не верил в то, что это произошло. Если бы кто-то на воле, еще пять месяцев назад, сказал ему, что он будет так манипулировать двумя с половиной тысячами «деревянных», на которые только-только семьей в ресторане посидеть, он рассмеялся бы и через минуту забыл. Сейчас пять бумажек были для него почти свободой. Почти шансом вырваться из неволи. Почти жизнью. Почти, потому что нужно было еще уйти. Это делали шестеро за всю историю «дачи». И все они в двухстах метрах от зоны, и могилы их, для которых старались менее всего, давно разрыты лисами, а останки растасканы по всей тайге. Лучше, когда тебя хоронят летом. Получается глубже, и есть шанс, что пролежишь долго. И здесь никто не верил, что закопанные зимой, на скорую руку, на метр, растасканные по частям к малышам-лисятам и волчатам, обрели покой. Их души мечутся по тайге, никем не охраняемые, да только теперь им это уже безразлично. И не их ли стоны во время февральских метелей так явственно пробиваются сквозь одиночные оконные стекольца шестого барака?

– Паря, да ты совсем дошел, – поприветствовал Литуновского дед. – Как с креста снятый.

– А ты в бога, что ли, веруешь? – глухо прокашлявшись, поинтересовался Летун. – Не в истукана? Я прошлый раз сказал тебе, что крест целую, а у тебя – сомнение в глазах.

– И сейчас не верю, что не убивец. Знаю вас, лихоманов. Но прошлым днем лодку перевернул – беда. Смолить ее и смолить, а где денег взять? Опять же, без бензонасоса в реку не выйдешь...

Андрей для приличия, чтобы обмануть бдительность внимательных бурятов, скинул на руки двоим счастливым зэкам пару мешков и вытер внезапно пробившийся пот. Он уже давно знал, что у него не все в порядке с сердцем, и пот – лучшее этому подтверждение. Да только теперь, когда исполнилось все, о чем он на этом этапе мечтал, ему хотелось верить в то, что сердце еще послужит. От волнения это, от адреналина, что рвется из всех пор.

– Помнишь наш разговор?

– Да как не помнить, – помедлив, ответил старик. – Жалко мне тебя, паря. И грех на душу брать нельзя.

У Андрея снова потемнело в глазах.

Вика отшатнулась от него, прижала ладонь к губам, и в глазах ее засветился ужас.

– Как же так, отец?..

Старик поиграл знакомым Литуновскому кнутом, пострелял глазами вокруг себя – он чего-то, безусловно, боялся, и нетрудно было догадаться, чего именно, и бросил:

– Веры у меня тебе нет.

Стараясь сдержать прилив отчаяния, чтобы в нем не захлебнуться, Андрей поднялся и принялся стаскивать с телеги ящики. Подходившие к нему зэки светились заботой на лицах, и бросали тревожные взгляды на груз. Чем больше багажных мест – тем больше ходок к леднику, тем больше шансов что-нибудь сунуть в рот и быстро прожевать. Губы их были масляны, лица, против обыкновения, розовели, и это давало старику все основания заподозрить их в использовании товара не по назначению. За каждый недочет и недочет перед соседями отчитываться придется ему, потому как на бумажке ясно записано, чего и сколько ему выдано под реализацию.

Литуновский даже толком не помнил, когда он в последний раз испытывал такое чувство. Последний раз, кажется, в далеком детстве. Ощущение, что хочется разрыдаться, но не имеешь на это права, вдавливая в горло такой угловатый и соленый комок, что дышать, чтобы окружающие не распознали твоих чувств, приходится через раз.

– Я гостинцу тебе привез, паря...

– А я все не знал, как это назвать. – Голос Литуновского в последнее время стал глух, как у всех, здесь находящихся, но такое утробное уханье, словно из колодца, он слышал впервые.

– На-ко, покури. – И Андрею в руки полетела пачка «Беломора». – Покури, охолони. Хочешь, себе забери, хочешь – мне возврати.

В голосе кремлянцовца послышалось что-то неуловимо новое, интересное, что заставило Литуновского непонимающе распечатать пачку и выцарапать одну из папирос. Замял зубами, не сводя со старика глаз, прикурил, вытащил из кармана деньги, сунул в пачку и швырнул ее хозяину. И оглянулся, как вор – не заметил ли кто.

Но вокруг жизнь шла своим чередом. Быстро шагающие в ледник и медленно оттуда возвращающиеся зэки оживляли унылую и безрадостную картину: трое конвойных, двое из которых с лицами, похожими на сковородки, роптали о чем-то о своем, а охрипший за день кобель-восточноевропеец прядал ушами. Морда пса лежала на лапах, и в его унылом взгляде читалось: «Как вы все, гады, мне надоели. Если бы не верность, порвал бы всех, а хозяина – так в первую очередь».

– На неделе сын на займку смену вещей привезет, нож, папирос, спички и прикорма на две дни.

Андрей провел рукой по воспаленному лицу, словно утирал пот, и чертыхнулся. Крепким, хорошим матом, но без злобы. От отхлынувшего отчаяния скорее, чем от радости или боли.

– До воскресенья даже не думай. Дожди все тропы размыли, если не заплутаешь, так воспаление схватишь. В Назарове товарняк найди какой, и под уголь закопайся. Сын принесет еще пачку табаку нюхательного, так ты уголь вокруг себя присыпь. Если вон тому, ядренному, на харю щепотку сыпануть – фыркать до утра будет. А псу, да с разугреву после бега – пиши пропала собака...

Слушая старика, зэк чувствовал, что уже давно не владеет собственным телом и сознанием. Оно плыло перед глазами в виде отдельных мыслей, уходит куда-то вправо и вверх, а

ноги, послушные и упругие, подгибаются и тяжелеют с каждой секундой. Он потяжелел килограммов на двести и теперь не в силах держать собственный вес.

Слева в груди резануло, и он, чувствуя, что окончательно теряет сознание, присел на дно полупустой телеги.

Странно, но в этот момент он думал не о том, что в шаге от смерти, а о том, как нелепо выглядит, сидя на подогнутых, как у субтильной курсистки, ногах.

– Эй, мальцы! – крикнул испуганный дед в сторону конвоиров. – Человеку плохо!..

– Где человек? – испуганно стал озираться ефрейтор-бурят, и эта шутка еще месяц ходила по зоне в качестве номинанта на лучшую остроу года.

– Да что ж за беда такая, – запричитал сельчанин, суетясь вокруг осевшего Литуновского. Вспомнив что-то, он всколыхнулся и стал лихорадочно рыскать по своим карманам. – Ну-ко, на-ка...

Через оловянные губы Андрея на его деревянный язык упала таблетка валидола, и он, автоматически потянув ее к нёбу, почувствовал ее леденящий мятный привкус. Боль в груди понемногу рассасывалась, уходила прочь из измученного тела, оставалась слабость и лицо Вики. Ему вдруг пришло в голову, что он только что с ней чуть не распрощался, и это заставило его собрать силы и упереться на локоть.

– Да сиди уж, – приказал дед, понимая, что из всех присутствующих он – единственный распорядитель и врач. – И ты с таким сердцем в тайгу собираешься? Ох, ма-а-ать...

– Если еще раз так пошутишь, батя, то точно не соберусь... – Губы чуть ожили, и теперь можно было издавать некоторые звуки, из которых можно составлять слова.

– Так тихо же надо было, – заговорщически зашепелявил старик. – Шоб никто не догадался.

– Молодец, я тоже не догадался. Конспиратор... Чуть не забыл – спасибо, старик...

Не раньше воскресенья. Это значит, что в воскресенье уже можно. И хорошо, и плохо, что четыре дня впереди. Во-первых, отлежаться бы не мешало. Потом, дед сказал, что дождей не будет, значит, вода сойдет. Тропа образуется, ориентироваться легче. А плохо тем, что Вика покоя не дает. Не отпускает шею, не размыкает рук, и под руками этими так болит...

Да только отлежаться вряд ли получится. Впереди – четыре дня воя пилы, соленого пота через лоб в глаза, и становится не по себе от того, что теперь сознание может уплыть в любой момент. Вика и Ванька ждут, а завтра может случиться так, что деланка перед обедом, когда самая слабость, поплывет под ногами, и в этот момент не окажется того, кто мог бы сунуть ему в рот едкую таблетку спасительного валидола.

– Мне в лазарет надо, – тихо проговорил Андрей, пытаясь резкими морганиями согнать с брови комара. Гораздо легче прихлопнуть кровожадную тварь ладонью, но как это сделать, когда руки за спиной.

– А душ не хочешь принять? – удивился бурят.

– А труп хочешь в свою смену?

Подумав, бурят признал довод резонным. Проблемы с письмом и без этого, а когда заставят описывать, как случилось, что в его смену умер экз... «Каюмов» – это все, что мог написать конвоир взвода внутренних войск, охраняющего шестой барак. Резко толкнув Литуновского в бок, как лошадь, конвоир изменил направление его движения. «Лазарет» – сразу ударила в глаза красная табличка.

На пороге знаток шести букв русского алфавита все-таки не удержался. Посмотрев за спину, не видит ли кто из экзов, он приблизился к Литуновскому со спины и резко ударил его носком сапога по лодыжке.

Это за то, что человеком его назвали. Человек... Скотина безродная. Теперь валяйся, пока шок не пройдет.

Впрочем, слова «шок» Каюмов не знал. А с земли Летун, сука, как всегда, встал быстро.

Ничего, нам еще от лазарета до барака дойти нужно.

Глава 6

Вор – это значит, что тебе не суждено жениться. Не познать радости игры с собственным ребенком и не воспитывать внуков.

Тебе нельзя терять от питья спиртного голову и жить в роскоши.

Упаси бог залететь в зону по «дурной» статье или убить мента.

Ты обречен жить, если ты вор, признанный по понятиям, лишь на плоды труда твоей воровской деятельности, и путь хранит тебя всевышний от соблазна взять у государства заработанную у него копейку.

Тебе не быть вором, если ты служил в Вооруженных силах или рвался во власть.

Вор – не проклятье, это призвание.

Этим жили воры последние десятилетия и свято чтители свои неписанные законы сосуществования внутри Страны Советов. Ни в одной стране мира нет такого понятия, как «законник». Однако страна меняется, меняются и понятия, чтимые ранее криминальным миром. Раньше получить «корону» можно было лишь на сходняке, да за заслуги великие перед воровским миром. Теперь же могут короновать даже в тюрьме, чалящегося там по статье «бакланской» и даже наркоманской. Коронуют такие же беспринципники, «апельсины», которые закона старого, временем потерятого, в глаза не видели. И не нужен им он, потому как, если перечитать его, неписанный, заново, то окажется, что останутся истинными ворами единицы. Остальные же, понятия презревшие, отметутся, как обыкновенная блоть. Раньше вор на вора руку не поднимет, суда страшного побоится, сегодня «законники» валят друг друга штабелями, ибо понятия не имеют, что «стрелы» не для пальбы, а для разбора.

Бедовый относился к той породе молодых да ранних, что коронован был не в хате следственного изолятора и не парой обкурившихся «апельсинов», а в Пицунде, да при большом скоплении уважаемого народа, тех, кто еще захватил Гоги Карачаева, Пашу Нептуна да Зему Ломового. Дедушки шестидесятилетние, без перстней алмазных да цепей кованых. Простые, тихие, спокойные, с шарфиками шерстяными, серыми, под пальто драповыми. Говорят тихо, матом не ругаются, курят часто, пьют мало, да и то боржомом истинного разлива. Хорошие дедушки такие, жаль, что без внуков. Как хорошо смотрелись бы, на взморье: сю-сю-сю... А нельзя.

Вот они и объявляли в девяносто седьмом Толяна Бедового вором, настоящим, не деланным. И помнил Толян об этом всегда, а потому далек был от беспредела, вера не позволяла, все больше справедливость чтил, да от крови подальше держался. А потому, прежде чем власть свою воровскую употребить, думал всегда медленно, но верно. Корону заработать трудно, потерять ее можно в одну минуту.

Первое, что пришло ему в голову, когда Литуновский стал обживать на «даче», это мысль о талантливом сыскаре из ментовки, которого послали сюда с целью искоренить в зоне беспредел. Только было непонятно, чей именно. Толян держал зону спокойно, без маразма, без крови и азарта. Над зоной в той ее части, где жили зэки, был мир и закон. Значит, по душу Хозяина. Тот все больше в административном здании, на глаза показывается редко, лишь на утренние разводы да вечерние построения. Казалось, ему нет дела до шестого барака по той причине, что механизм жизнедеятельности этого островка неволи отрегулирован, и ему нет большой нужды втискиваться туда, где и без того все правильно. Заправлял в основном замполит да офицеры из администрации и конвоя.

Однако Бедовому было ясно, что далеко не все так правильно, как может показаться. Зэки голодают, издевательствам несть числа, измывания, кураж. Словом, все то, что запрещает закон воровской, в наличии. Лекарств нет, среди заключенных нет ни одного, кто мог бы похвастаться здоровьем, и план Хозяина, казалось, не интересовал. Шестой барак создан

для уничтожения тех, кто сюда попадал. Казалось, это устраивало и руководителей седьмой колонии строгого режима. А потому не исключено, что появление в зоне человека с большим сроком и спокойным видом не что иное, как попытка неких сил устранить Хозяина. Понятно, что хлюпика сюда не забросят, если человек придет, то он будет крепок натурой и умен.

Но вскоре Толян понял, что в своих первоначальных догадках оказался неправ. Летун в зоне полгода, а чтобы досконально понять все правила существования здесь и секреты администрации, достаточно и двух месяцев. Там поговорил, это посмотрел, здесь послушал... Да только Литуновский ни с кем доверительных бесед не вел – Бедовый не раз проверял, ничем не интересовался и к чужим байкам не прислушивался. Жил своею жизнью, если можно так назвать существование зэка в зоне по распорядку дня колонии строгого режима. Его уже неоднократно избивал до полусмерти конвой, он болел, почти подламывался на работе. Но ни разу не попросил снисхождения и ни разу не встал на колени. Это Толяна сначала забавляло, смотрящий ждал, как новенький поставит на «даче» рекорд пассивного сопротивления имеющимся традициям унижения личности.

Вскоре его веселье начало улетучиваться, а потом и пропало вовсе. Выходило, что Летун, этот сорокалетний мужик, не желал подстилаться ни раньше, ни сейчас и не намеревался этого делать в будущем. Конвой и остальных это бесило, и давление на Летуна усиливалось с каждым днем. Поэтому, когда новенький подошел к нему на делянке и попросил денег, Бедового это не удивило и не ввело в ступор. Дальнейший разговор он продолжал лишь по причине полуженности, а не из соображений необходимости. То, что зэк решил на побег и теперь готовит для этого базу, не понять мог только дурак, а дураком Толян никогда не был. Так во всяком случае считал не только он, но и авторитетные люди, знающие его на воле. Именно поэтому Царь, «откидываясь», передал вожжи с согласия братвы не зэку с воли, которому обязательно пришлось бы «сесть» по понятиям, чтобы управлять зоной, а преемнику внутри ее.

Летун Бедового уже не забавлял, он постепенно стал вызывать у него уважение. За шесть месяцев пребывания в шестом бараке любому, даже самому отважному и отможенному каторжанину становилось ясно, что убежать с зоны нетрудно. Невозможно добежать до конечного пункта. Да и в самом деле, какие проблемы для побега могут возникнуть у зэка, когда он в частом лесу валит лес? У него есть около получаса, чтобы уйти в тайгу и в нее же углубиться. «Дача» – не стандартный Красноярский «строгач», где вышки и «запретка» по всему периметру, включая и места работы заключенных.

«Дача» – это промежуточное понятие для тех, кто не дотянул до «особого», а нахождение их на обычном «строгом» – большая роскошь. Отбросы человеческого общества, которые не годятся даже для нормальной зоны.

Этот Литуновский понял местные законы, впитал атмосферу этого праздника, познакомился с порядками и правилами, но, несмотря на то что любой нормальный человек после ознакомления со всем перечисленным должен затихнуть и смириться, он подходит и просит денег. И при этом совершенно не напоминает идиота, который решил во что бы то ни стало распрощаться с жизнью. Может, просто вздернуться или вены вскрыть ночью под одеялом – это для него уже неинтересно? Ему нужна пальба, пара разодранных пулевых ранений в ягодицы, рваные после собачьей хватки ноги, да потом еще тумачи конвоя?

Бедовый давал шанс Летуну не от доброты душевной и не по старой зоновской дружбе. Если братва на воле узнает, что авторитет Бедовый помог человеку с «дачи» уйти, чего не случилось за всю ее историю, то имя Толяна будет вписано золотыми буквами в историю воровского мира. Так и будет: стоит черная стела, высотой в сотню метров, на вершине еле виднеется: «Ваня Болотников, Степа Разин, Емеля Пугачев...», а чуть ниже, погонял на сто – Толян Бедовый. Своеобразная аллея звезд криминальной иерархии. Это во-первых. А во-вторых, вобщак на воле упадут пятьдесят тонн долларов. Это второе неслыханное дело. Не воля зону греет, а зона – волю. Такого в истории, кажется, тоже еще не было. Сомнений в том, что Летун рас-

платится, не было. Пятьдесят тонн «зелени» – это здесь, на «даче», звучит так же, как и миллиард долларов. А за проволокой, в тысячах километров отсюда, пятьдесят тысяч долларов – это всего лишь трехкомнатная в Старосибирике и одно-двухкомнатная в Москве. Так что разлохматить беглеца на эти деньги вполне реально. А потому беги, Летун, лети...

И вот, через шесть месяцев пребывания внутри «дачи», когда любому станет понятно, что зайти в тайгу – проблем нет, проблема – как сделать так, чтобы тебя не вернули обратно, на вертолете, подранного собаками и измочаленного конвоем, случается так, что при построении на обед всем одновременно становится ясно: Летуна в зоне больше нет.

– И что ты мне скажешь в связи с этим?

Хозяин восседал на кресле в своем кабинете в фуражке, сцепив пальцы положенных перед собой рук. Его взгляд был строг, холоден и, казалось, невыносим. Казалось ему, Хозяину. Толян же, легко стянув с головы кепи, прошелся вдоль ряда стульев и сел на один из них. Старые, совковые, присланные сюда еще в начале шестидесятых, ремонтировали до тех пор, пока не выяснилось, что ремонтировать больше нечего. После этого зэки, что из краснодеревщиков, вырезали начальнику «дачи» такие стулья, что теперь он напоминал короля Артура, ожидающего своих двенадцать рыцарей. По шесть стульев стояло вдоль каждой из сторон резного стола. Сам же хозяин кабинета сидел на кресле, спинка которого, обтянутая привезенной с Большой земли парчой, возвышалась над его фуражкой, как невероятных размеров корона.

– Встать! – сказал Хозяин, чуть покраснев. – Ты что, забыл, куда пришел?!

Вместо адекватной этому крику реакции Толян вынул пачку «Мальборо» и положил ее перед собой на тяжелую столешницу.

– Ты зря сотрясаешь воздух, начальник, – мягко улыбнулся он. – Зачем грубить, если удовлетворения от этого все равно не получится?

– Ты, Банников, зарвался, – решив сменить гнев на снисхождение, молвил полковник. – Непорядок у тебя в бараке. Зэки от тебя бегут, а ты об этом даже не догадываешься. Как понимать?

Со стороны это смотрелось забавно. Начальник зоны и зэк сидят друг против друга, второй курит, а первый стыдит его за то, что недосмотрел. Любому, кто далек от этих отношений, явь покажется сном, однако любому матерому каторжанину станет ясно, о чем в этой так резко начавшейся беседе идет речь. Через две минуты, когда Хозяин исчерпал запас вопросов и претензий, Бедовый вонзил окуроч в хрустальную пепельницу начальника и осклабился. Так, наверное, улыбается волк, исходящий слюной, когда встречает после неудавшейся охоты зайца, намертво схваченного силком.

– Ты чего-то опять перепутал, Кузьма Никодимыч, – чуть улыбнулся Толян, продемонстрировав кончики фарфоровых зубов, вставленных еще на воле, в Питере. – Бегут не от меня, а от тебя. Или ты забыл, кто зону охраняет? Я зэк, Кузьма Никодимыч, такой же, как все, зэк. А ты ведешь меня к себе под конвоем, после чего спрашиваешь, как могло случиться так, что с зоны ушел человек. Сходи к лепиле, выпей парацетамолу. Он всех парацетамолом лечит: и поносных, и золотушных, и запаятных...

– Я тебя в ШИЗО на год упеку, парень, – прошипел полковник, явно забывая, что говорит об этом зря. – Ты с кем базаришь, зэк?

– Ну, ну... У вас тут от курей дармовых да яиц сельских мозги пенициллином, вижу, подернулись, – миролюбиво и тихо прогудел Толян, чуть склонившись за столом. – Я тут сижу, чтобы люди не поднялись, твоих бурятов, вместе с тобой, через жопу не вывернули, да с твоим же оружием в тайгу не ушли. Вот это моя задача, мент, понял? Рану чужую зажимать и кровь сдерживать. А твоя проблема, чтобы этот, моими молитвами спокойный народ через колючку не перемахивал, – Бедовый заметно порозовел и чуть добавил газу. – И ты меня кумачовым

покрывалом в своей псарне не покрывай, понял? Я твоим помощником, мент, никогда не был и не буду. Запомнил?

– Я ж... Ты, зэк... – Полковник захлебывался, позабыв, что точно такая же беседа, среди других прочих, уже имела место ровно год назад, и тогда окончилась для него обидной необходимостью выровнять отношения. – Ты понимаешь, с кем схлестнуться решил? Авторитет, говоришь? А как ввести на «даче» «особый», а? Куды дергаться из ледника будешь, «законник»?

Дергаться, что предполагал Хозяин, авторитет не стал. Ткнул пальцем в фуражку полковника и пробормотал:

– Знаешь, почему я вошел и кепку снял? Нет, не перед тобой, как положено. Потому как в дом вошел, хоть и замусоренный. В храме и доме шапку снимать полагается. Но я-то в чужой хате, а ты в своей. Но сидишь в шапке, да еще в красном углу. И, хотя красен здесь любой угол, в твоём поведении, Кузьма Никодимыч, греха немерено.

Зэк встал и прошел к зарешеченному окну. За спиной его бури не было, это начальник, по всей видимости, решил дать обратный ход.

– «Особый», говоришь? – Бедовый отвалился от подоконника и вернулся к столу. – А силенок хватит? А как насчет комиссии из Минюста и Генпрокуратуры? Я тут такие показания образую, что ты сам этапом в стольпине покатишь. На соседнюю зону, «красную». Посмотри на это окно, Кузьма Никодимыч. Ты видишь эту решетку на нем? Ты сам в зоне. Да только мне два года осталось и три месяца. Да дней одиннадцать. Я тут срок отбываю, а ты тут живешь. И будешь жить, потому что такие, как ты, если бы в них нуждались в модных местах, менялись каждый год. Ты же тут сидишь, вместе со мной, уже семерик. Но я отсюда выйду через два с небольшим года, а тебе до пенсии ляжку в зоне тянуть еще лет десять! Так чем ты меня пугаешь? Усилением режима? Я не против. Только перед тем, как зверствовать, укрепи решетки на окнах. Иначе нельзя, я предупредил. Когда зона встанет, ты тут и часа не продержишься. Братва повырежет вас как скот, и мусора эти полста человек по всей стране еще лет десять искать будут, пока снова здесь не соберут. Но всех не соберут, да и тебе все равно уже будет. Прости, Кузьма Никодимыч, что у нас такой разговор с тобой вышел. Не в ответе я за Литунковского, ты в ответе.

И теперь не было до конца понятно, для чего Хозяин составлял разговор, который при любом раскладе должен был закончиться именно так. Странно, но разочарований такой исход у полковника не вызвал. Казалось, что секунду назад почти потерял над собой контроль, и вдруг стал мудрым и рассудительным.

– Что ж, – сказал он, и, по его мнению, выглядеть это должно было назидательно. – Как ты умеешь держать народ в узде, я посмотрел. Теперь посмотрим, как я могу их, разнузданных, искать. И не обижайся потом, осужденный Банников, на мою строгость и принятие соответствующих мер профилактического характера. Вернуть Литунковского в зону – моя обязанность. И сделать так, чтобы ни он, ни кто-либо еще не решился на подобную дерзость, тоже моя обязанность. Да, забыл. У меня еще права есть. Но о них позже. Чаю предлагать не стану, знаю, пить со мной запаadlo. Да, чуть из головы не вылетело... Это я так, не для протокола, Анатолий. Ты не предполагаешь, куда Литунковский мог податься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.